

РОВЕСНИК

ISSN 0131—5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 5/85
Май

М. ШИШКИН

НАШ

Два рассказа с отступлениями и отрывком из школьного сочинения

ИМЕНА

Стоит дом. Светятся по вечерам окна.

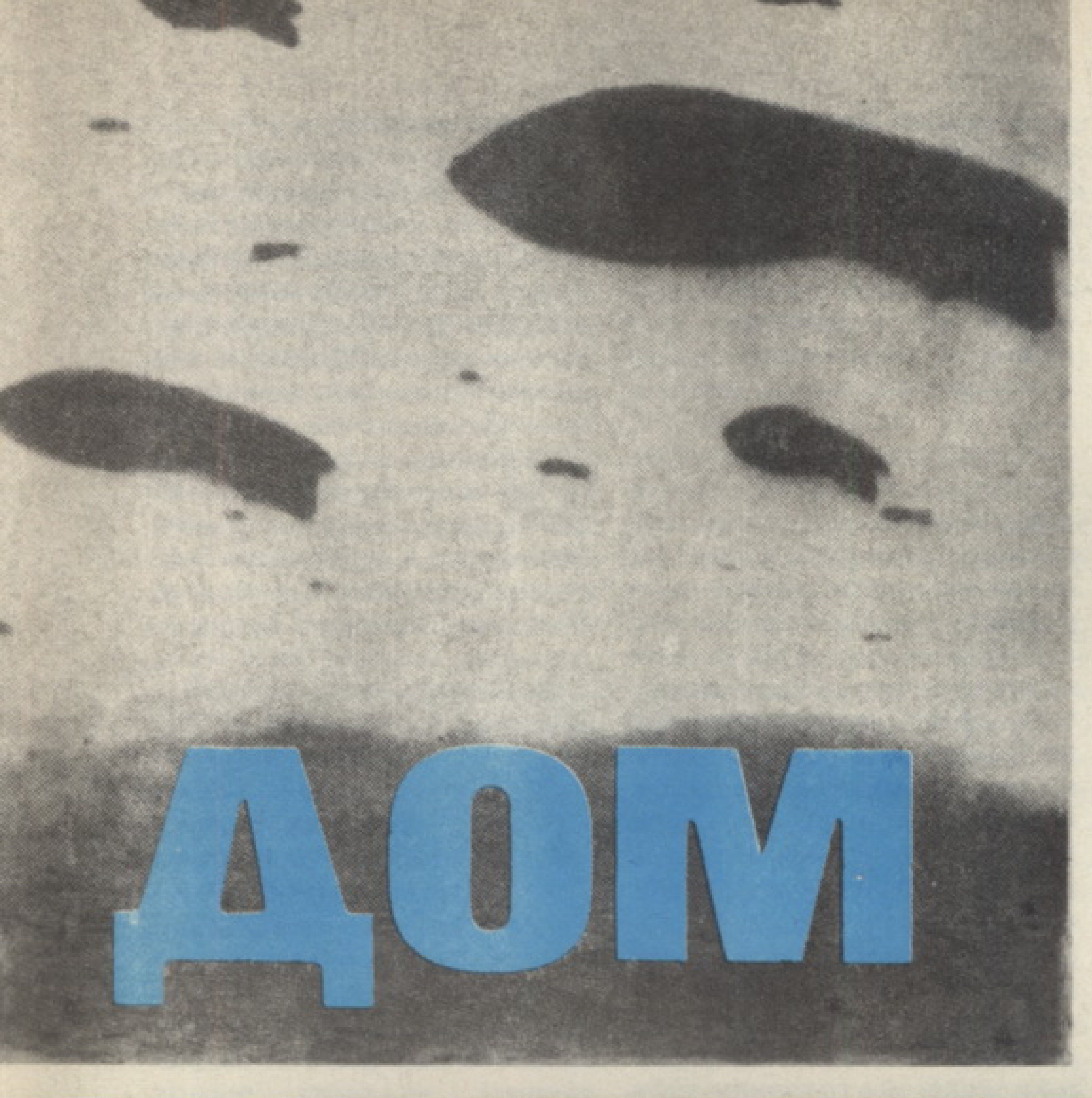
В подъезде на стене неброская памятная доска. Золотые, уже неяркие от времени буквы:

«Вечная память воинам, отдавшим жизнь за Родину в боях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., проживавшим в доме № 10 по Большому Гнездниковскому переулку,

Брауде Борис
Бельский Борис
Гужов Александр
Паперный Арон
Бирюкова Елена
Константинович Вадим
Бородин Володя».

Дом как дом. Люди приезжают и уезжают, рождаются и умирают, прописываются и выписываются.

Фото Л. ОГАРЕВА и из фотоальбомов, посвященных Великой Отечественной войне

А эти ребята остаются жильцами дома. Навсегда.

Рассказ Клавдии Лаврентьевны БИРЮКОВОЙ

Я живу в нашем доме с 1924 года.

Вот сказала, и самой не по себе стало. Целая жизнь.

Это сейчас наш дом самый обыкновенный. А тогда не дом был — дворец. Сколько раз мимо дома Нирензее проходила, так тогда его называли, а что сама в нем буду жить, и в голову не приходило. Я на Плющихе родилась, там и жила. Отец мой, крестьянин из Рязанской губернии, пришел в Москву, выучился самоучкой и служил конторщиком на табачном складе, где теперь Политехнический музей. Мы снимали комнатку в деревянном доме. Без всяких, как теперь говорится, удобств. Воду привозили на телегах в бочках. Старая Москва, какие там удобства. Внизу, в подвале, была пуговичная мастерская. Мы с моей мамой там работали. Пришивали пуговицы к картонкам, мама большие, а я маленькие. Мне было семь лет.

Когда революция пришла, я уже в швейной мастерской работала у Арбатских ворот. И началась для нас, простых людей, новая жизнь.

Кому расскажешь про мою молодость, головой качают, тяжелые времена были. И как объяснить, что мы тогда себя считали самыми счастливыми!

Началась гражданская война. Я пошла работать на военно-обмундировочную фабрику. Чем умела хотела помочь Красной Армии. Фабрика находилась у Краснохолмского моста. И никаких трамваев. Зима восемнадцатого. Вставала чуть свет. Натяну на себя все, что только можно, перевяжусь ремнем и пешком через весь город. В огромном котле варили солдатские шинели. Очищали их от крови, вшей, а потом штопали, перешивали.

Все рвались на фронт. Разбили Колчака, Врангель полез, потом белополяки. Устроили на фабрике тир, учились стрелять. А с утра снова

через весь город на фабрику, шинели штопать. А на них где лохмотья от шашки, где дырочка от пули.

Переехала я в этот дом, когда вышла замуж. Мой муж, Бирюков Сергей Михайлович, старый большевик, член партии с 1913 года, был тогда депутатом Моссовета, и ему выделили здесь квартиру. Наш дом так и назывался 4-й дом Моссовета.

Тогда бы назвали Сергея старым большевиком, он бы рассмеялся. Мы были молодыми. И вся жизнь впереди.

Поженились, а свадьбы никакой не было. Просто сидели, чай пили. Не до того было. Мы ведь не жили тогда — летели. На житье-бытье и внимания не обращали. Я перешла работать в профсоюз швейников, стала учиться на рабфаке, по вечерам бегала в театры, на лекции, поэтические вечера. Свадьбу устраивать времени не было. Вот ведь как.

У Сережи семья была большая, братья, сестры, и все мы тут в одной комнате ютились. Ночью раскладушки деревянные ставили, а днем, чтобы не мешались, вешали их на стену. И тесно не было.

И стал мне этот дом родным.

А в двадцать пятом Леночка родилась. Доченька моя.

Когда война началась, ей шестнадцати не было. Когда погибла, еще двадцати не исполнилось. А мне теперь уже восемьдесят три.

Вот как вышло, Леночки моей нет, а я все живу.

ИСТОРИЯ

Есть дома обыкновенные. Их строят, в них живут, потом сносят, когда состарятся, чтобы освободить место для новой стройки.

И есть дома, в которых вместе с людьми живет история.

Этот дом, построенный перед первой мировой войной архитектором Эрнстом Нирензее, называли первым московским «небоскребом». О нем Маяковский писал — он «над лачугами крышицу взвивает». Десятиэтажный дом был одним из самых высоких зданий в городе. Строили его в расчете на состоятельных жильцов. Не скупились ни на зеркала, ни на ковры. Одно время дом принадлежал Распутину. На десятом этаже находилась киностудия «Венгеров и К⁰». На крыше был фешенебельный ресторан с фонтаном и садом.

В квартире на шестом этаже жил в 1915 году у своего друга Бурлюка Маяковский.

После Октября большинство жильцов оказалось или за границей, или на белогвардейском юге. Дом стали заселять новые жильцы. Они переезжали сюда с рабочих окраин.

Под командованием Усиевича с плоской крыши шел обстрел белогвардейцев, державших в своих руках во время ноябрьских боев 1917 года подходы к Кремлю.

С этой же крыши притаившиеся в доме контрреволюционеры стреляли по участникам первой после Октября первомайской демонстрации на Скобелевской, ныне Советской, площади.

А всего через несколько месяцев рабочие отряды вышибали из нижних этажей засевших там во время мятежа левых эсеров и анархистов.

В этом доме размещалось московское отделение газеты «Накануне», многочисленные редакции и издательства. В этом доме бывали А. Толстой, В. Катаев, М. Булгаков, К. Паустовский, Э. Багрицкий.

В доме жили комдивы и матросы Центробалта, латышские стрелки и красные партизаны. Здесь жил знаменитый директор автозавода Лихачев. Здесь бывали Орджоникидзе и Калинин, здесь жили люди, работавшие с Лениным и Крупской.

Это необыкновенный дом. Живая частица истории поколения, народа, страны.

Ребята, чьи имена стоят на памятной доске, ушли защищать свой дом. Им было что защищать.

Рассказ Маи Евсеевны БРАУДЕ

Конечно, всех помню, и Лену Бирюкову, и Вадика Константиновича, и Леню Паперного, всех. Это же мое детство, моя молодость. То, что на всю жизнь.

Детство для нас всех кончилось в один день. Война началась, детство кончилось. Для всей нашей компании.

Говорят — дворовая компания. А у нас компания была, а двора не было. Зато была крыша. Самая замечательная крыша на свете.

Родители наши нами не занимались, с утра до ночи были на работе. А мы жили одним — быстрее сделать уроки и бежать на крышу. На нашей крыше можно было играть в футбол, волейбол, городки, кататься на велосипеде. Здесь была библиотека, всевозможные кружки — от лепки до музыкального, свой театр. Мы мастерили сами куклы и показывали малышам кукольные представления.

Но уже шли бои в Испании. На огромной карте каждый день мы отмечали передвижения республиканцев и франкистов. Мы, дети, играли в войну, а война надвигалась.

Любимой игрой была игра во флаги. Нужно было захватить «флаг» противника. Саша Смирнов, самый старший из нас, организовал дружину. Мальчишки вырезали себе деревянные ружья, вставали в шесть утра под звук горна и бежали на крышу делать зарядку. Валю Розенталь, Клаву Сироткину, Наташу Амосову взяли сандружинницами. Мы думали, что играем. А на самом деле мы готовили себя к войне. Саша Смирнов, наш командир, погиб офицером на фронте.

Мы все были членами Осоавиахима, учились стрелять, пользоваться противогазом. Все жильцы сдали нормы на знак ЗАОР — «За активную оборонную работу», и в 1938 году этот знак вывесили на фасаде дома.

Мой брат Борис замечательно пел. Все прочили ему артистическое будущее. А он пошел в военно-морскую школу. Он решил, что моряки стране нужнее певцов.

Он был старше меня на три года. Все мои подружки были в него тайно влюблены. Особенно когда он стал ходить в морской форме. А в общем-то, он был обыкновенным парнем. Мы все были обыкновенные. Только испытания нас ждали в жизни необыкновенные. Нас всех ждала война.

Никогда не забуду тот последний вечер. Мы жили на даче в Пушкине. Борис как раз закончил десятый класс первой военно-морской спецшколы, и мы отмечали это событие. Вечерами на нашей террасе всегда собиралась молодежь. У нас был патефон, который мы крутили с утра до ночи. Весь тот вечер Борис танцевал с Людой Бернардовой. Мне, младшей сестре, сразу стало ясно, что у брата начинается роман. Помню, в тот вечер мы растанцевались, кто-то двинул патефон, который стоял на перилах террасы, и он упал в траву. Утром мы проснулись поздно. Борис покопался в патефоне, и тот снова заработал. Громко, на весь поселок. Вдруг Тина прибегает, наша соседка. Вы что, говорит, ничего не знаете! Война! И пластинка тут как раз кончилась.

А патефон, тот самый, и сейчас у нас есть, лежит где-то на антресолях. Прихожу как-то домой, а Димка, внук, достал его и сидит, наши пластинки крутит. Те самые. Смешные, говорит, вы диски слушали.

Димка, Димка...

ВОЙНА

Мальчишки осаждали военкоматы. Их не брали, им не было восемнадцати. Кому восемнадцать исполнилось, шли с вещмешками колоннами по улицам Москвы и кричали «ура!» каждому встречному военному, даже милиционерам.

Кого не брали в армию, шли в райкомы, поручений хватало. Оборудовали бомбоубежища, насыпали мешки песком и закрывали витрины магазинов, помогали превращать школы в госпитали, дежурили на крышах, шли работать на военные заводы.

Их никто не обязывал, этих мальчишек и девчонок. Они помогали фронту чем могли.

Москва изменилась до неузнаваемости. Появились аэростаты воздушного заграждения. Все реже можно было увидеть на улицах людей в штатском. Враг приближался. Город готовился к уличным боям. Мальчишки и девчонки рыли на ближних подступах окопы, устраивали заграждения на улицах. На плоской крыше дома № 10 по Большому Гнездниковскому переулку разместилась батарея зенитных орудий.

Одиночным самолетам удавалось преодолевать противовоздушное кольцо вокруг Москвы, и на дома, улицы, бульвары летели бомбы. Прямым попаданием был разрушен дом у «Известий». У Никитских ворот фугаска разворотила трамвайные пути и свалила памятник Тимирязеву. В тот же вечер памятник снова стоял на своем привычном месте, и трамваи ходили, как всегда.

Рассказ Маи Евсеевны БРАУДЕ (продолжение)

Борис сначала присылал письма из Ленинграда. Он

учился в военно-морском училище, и его послали на Северный флот. Там он тоже пробыл недолго. Попал в морскую пехоту. Письма стали приходить уже из-под Сталинграда. Всю жизнь мечтал плавать. И не привелось.

У нас в доме организовали группу самозащиты. Руководила ей Полина Николаевна Белозерская. Она и сейчас живет в нашем доме. Лена Бирюкова, Валя Родкина, все девчонки и мальчишки, кого не взяли в армию, стали бойцами этой группы.

Ночами дежурили на крыше. По всему дому мальчишки провели электрическую сигнализацию. Во время воздушной тревоги дежурный нажимал на кнопку, и по всему дому звонили звонки. Бомбоубежище оборудовали у нас в подвале, где был театр «Ромэн». Каждый вечер мы бегали вокруг дома, проверяли светомаскировку. Когда на крыше стреляли зенитки, дрожал весь дом. Однажды зажигательные бомбы упали на соседний дом, и загорелась крыша. Наши мальчишки побежали тушить. Вернулись все перемазанные, с опаленными волосами и счастливые. Мы, девчонки, им завидовали.

Карина Яковлевна Яковлева организовала кружок вязания. Все, когда узнали, бросились собирать по дому шерсть и вязать. Мы просто ходили по квартирам и спрашивали: у вас есть шерсть? Люди отдавали то, что сами носили. Моя мама распустила свою кофту. Мы вязали для фронтовиков рукавицы с большим и указательным пальцами, чтобы было удобно стрелять. Вышивали кисеты, дарили их раненым. Ходили в наш подшефный госпиталь № 5006, ухаживали за ранеными, мыли, стирали, устраивали концерты.

Нашу школу, сто девятнадцатую, закрыли. Занятий не было.

Отец отправил меня в эвакуацию. Поехала одна. В одной теплушке ехало несколько семей. Совсем чужие люди приняли меня как свою. Спали вповалку, восьмером на одних нарах. Ехали две недели.

Приехали в поселок. Сибирь. Зима. Поселили нас в цехе. Принесли столы, сдвинули их, на столах и спали. Я стала работать на оборонном заводе. В цехе холод, а я целый день за станком. Мы делали снаряды. В столовую пешком ходили, за четыре километра. Единственное блюдо в столовой было чечевичная каша. Эта зеленая похлебка мне казалась самой вкусной на свете. Мы голодали, уставали, но все это было неважным. Мы все тогда жили только одним.

Помню, как собирали посылки для фронта. Теплые вещи. Мы ведь ничего с собой не брали, в чем были одеты, в том и ехали. Один из эвакуированных отдал свою шапку. Снял с головы и отдал. Обмотал голову полотенцем и пошел в мороз на работу.

Мы все тогда были как одна семья. Вся страна как один дом.

Рассказ Клавдии Лаврентьевны БИРЮКОВОЙ (продолжение)

Когда началась война, я работала в Центрсоюзе. Дочка закончила восьмой класс.

Казалось, все страшное позади — первая мировая, революция, гражданская, разруха, голод, смерти. Только стали к нормальной, мирной жизни привыкать... А вышло, что все только начинается.

Дочка сразу вступила в группу самозащиты дома. Я дежурила по ночам на работе. Сидела на крыше. Стекла мы с Леночкой заклеили бумажными полосками. Вот эти самые стекла.

Три месяца прошло, а гитлеровцы уже под Москвой. В Центрсоюзе был организован отряд на трудовой фронт, и нас послали рыть окопы на ближних подступах. Меня назначили комиссаром отряда. 15 октября мы построились колонной и пошли по улице Горького с оркестром. Дошли до Белорусского вокзала, там должны были сесть на поезд. И вдруг приказ. Срочно эвакуироваться. Завтра же.

Прибежала домой. Устроили семейный совет. Бабушка ехать отказалась. Никуда, сказала, из нашего дома не поеду, если уж суждено умирать, пусть в родных стенах. Леночка тоже ни в какую. Не хотела оставить бабушку. Да разве я сама поехала бы, если бы не приказ.

Выделили Центрсоюзу электричку. Прицепили к ней паровоз, и поехали мы в Новосибирск. Так, в электричке, всю страну и отмахали.

А в январе сорок второго с первой же возможностью я вернулась. Леночка стала ходить на курсы радистов. Здесь, неподалеку от Пушкинской площади. А мне сказала, что поступила в пищевой техникум. Не хотела расстраивать. И никто не знал, что она на радистку учится. А потом пришла и сказала, мама, я ухожу на фронт.

Я в слезы. Креплюсь, а слезы сами текут.

Я ее уговаривать, ты же слабая, болезненная, ну какая от тебя может быть помощь фронту!

Она у меня в детстве очень болела. В первом классе пришла из школы, стала ботинки развязывать, и никак. Я ей, что ты балуешься? А она плачет, и руки трясутся. Вызвали врача. Положили Леночку в больницу. Целый год там провела. Я прихожу к ней, а она, восьмилетняя, меня утешает: «Ну что ты, мамочка, не плачь, я поправлюсь, вот увидишь!» И правда поправилась. Снова в школу пошла. Год пропустила, но быстро догнала. Девочки к нам приходили, ей помогали, вместе уроки делали.

И крови всегда боялась. Бывало, порежется и кричит, кровь, мама, кровь!

Куда ж ты такая, говорю ей, на фронт. Сама обузой для других будешь. А она мне ответила, что если не пойдет воевать, то никогда потом себе этого не простит. Так и сказала.

Пошла я ее провожать на Курский вокзал. Их сначала отправляли в Горький, в часть. Она отметилась и подошла прощаться. В платьице своем, в кофточке.

И что говорили мы тогда друг другу — не помню. И видела я тогда Леночку мою в последний раз.

ПИСЬМО

Запах старой московской квартиры. Скрипучий паркет. По стенам фотографии в рамочках. В деревянной шкатулке, которая спрятана в старом серванте, самая дорогая семейная реликвия. Фронтовые треугольники.

Бумага от времени пожелтела, стала хрупкой, стерлась на сгибах.

Последнее письмо Лены Бирюковой.

«Дорогая мамочка!

Вот и снова строчу тебе. В твоем письме ты пишешь, чтобы я рассказала тебе про то, как я живу, на чем сплю, чем укрываюсь, что у меня под головой, где умываюсь, а также в отношении теплой одежды. Отвечу на все по порядку. Спать приходится очень редко, иногда по дватри часа в сутки. А сегодня счастливая — спала всю ночь. Большую часть приходится спать на ящиках со снарядами. Прикрываюсь шинелью. Под головой шинель, под собой все та же шинель. Как видишь, я живу недурно. Теплое обмундирование, телогрейку, брюки ватные и шапку-ушанку нам выдали... Скорее бы опять в бой. Пишу, сидя в теплой хате. На сутки дали передышку. Через час пойдем дальше. Уже в Германию. Пишите чаще. Целую. Лена.

25 января 1945 г.».

Лена погибла через день, 27 января, во время уличных боев за город Мариенбург. В пяти метрах от машины упала мина. Ее ранило в висок, руку и в бедро. Ее увезли в медсанбат, но она умерла, не приходя в сознание. Лена погибла в тот самый день, когда она была награждена орденом Красной Звезды.

Рассказ Клавдии Лаврентьевны БИРЮКОВОЙ (продолжение)

Проводила я доченьку мою, и все мысли только о ней. А надо работать. У нас все мужчины ушли на фронт, и пришлось мне ездить в командировки. Больше времени в разъездах проводила, чем в Москве.

Послали меня в Калининский облпотребсоюз, в Ржев. Только что город освободили. Пока ехала, наш эшелон разбомбили. Наши два последних вагона только чудом и уцелели. Что поделаешь — пешком пошла. Ночью только добралась, с ног от усталости валюсь. А вместо города одни развалины. Люди в землянках ютились. Меня в сарае разместили. А мне все равно было, так я устала. Легла, мешок под голову положила. Вдруг чувствую: кто-то по мне ползает. А это крысы. Так всю ночь и не заснула. А утром на работу. Вот такие были командировки.

А Леночкина часть в Горьком стояла. И вдруг меня посылают в Горький в командировку. Я вещей теплых набрала, кулек конфеток и поехала. Очень Леночка конфетки любила. Приехала вечером, а их, оказывается, в тот же день утром отправили на фронт. А мне все не верится. Стою у забора и на девочек смотрю.

Все в форме, все на мою Леночку похожи. И отдала им конфетки.

Письмами только и жила. Почта нерегулярно приходила. То месяц, два никакой весточки, то вдруг сразу несколько писем. Треугольничков фронтовых. Треугольнички эти дороже хлебной карточки были.

А мои письма, Лена мне написала, ребята у нее на раскурку просят. И вот я пишу ей и думаю, наверно, и это письмо кто-нибудь скурит. Ну и курите, ребятки. Сыночки вы мои.

Долгая война была. Всего не расскажешь.

И вот пришел сорок пятый год. И Бори Брауде уже не было, и Владика Константиновича, и Володи Бородина. И до Победы совсем немножко. Я уже стала думать — теперь не убьют.

И вдруг похоронка.

Рассказ Маи Евсеевны БРАУДЕ (продолжение)

Брат погиб в 1943 году, в боях на подступах к Ростову. Его товарищ прислал письмо из госпиталя в Сальске. У Бориса было тяжелое ранение в живот.

Как только война кончилась, отец туда поехал. Нашел тот госпиталь. Пошел на кладбище. Там холмики. На весь госпиталь был один гроб. Не до церемоний тогда было. В нем носили на кладбище, а хоронили просто так. На деревянной дощечке стояло — Борис Брауде, 1923—1943.

Потом, через много лет, мы получили письмо из железнодорожной школы № 9 города Сальска. Ребята нам написали, что они организовали у себя в школе музей имени моего брата, на свои средства поставили ему памятник и каждую весну у его могилы принимают в пионеры.

Победу я встретила, когда училась в десятом классе. Ту нашу радость ни с чем сравнить нельзя. Вся Москва на улицу высыпала, кричали, смеялись, плакали. Каждого, кто в военной форме был, качали. Я вся охрипла — так кричала. И салюта такого никогда еще не было. Салюта Победы. Зенитки и с нашей крыши палили.

ВРЕМЯ

В огромном пустом подъезде холодно и сквозняк. То и дело хлопают двери. В «Домовую кухню» спускаются с кастрюльками старушки.

Под мемориальной доской за стеклом вырезка из газеты. Семь маленьких фотографий.

Самый старший, Борис Бельский, погиб в двадцать восемь лет за два месяца до Победы.

Борису Брауде было девятнадцать.

Володя Бородин погиб в двадцать четыре года.

Леня Паперный был убит под Воронежем в двадцать два.

Вадик Константинович погиб под Оршей в девятнадцать лет.

Лене Бирюковой не было двадцати.

С фотографий они смотрят на каждого, кто входит в дом.

Со временем меняются одежда, привычки, слова, люди. Меняется само время. А они все смотрят на каждого, кто входит в их дом.

Рассказ Клавдии Лаврентьевны БИРЮКОВОЙ (продолжение)

Вот и закончилась война. Без Леночки.

Надо как-то жить дальше. Разве у меня одной такое горе! Да в каждом доме. А дел хватало.

Я стала членом комиссии Комитета советских женщин, активно участвовала в работе Советского фонда мира.

Однажды мне прислала письмо женщина из Америки. Предложила переписываться. Потом началась переписка с женщиной из ГДР, потом из Японии, Польши.

Леночке сейчас уже 59 было бы. А я бы уже правнуков нянчила. По ночам не сплю совсем, все лежу и представляю, будто Леночка жива и вся семья, все внуки и правнуки ко мне в гости приходят. И как мы садимся все вокруг стола и пьем чай.

Доченька, доченька.

А теперь я каждый день хожу на Тверской бульвар, сижу на скамеечке и вспоминаю. Вот здесь, на Пушкинской площади, мы выступали в двадцатом году с открытой трамвайной платформы. Я тогда после работы пела в украинском хоре. Когда собирался народ, чтобы нас слушать, выходил лектор и рассказывал о борьбе с тифом. По этому бульвару меня провожал на Плющиху мой будущий муж. Он только вернулся с фронта, где сражался с Колчаком, и ходил в военной форме. Сережа мне потом признался, что еле ходил — так ему сапоги после ранения терли. А тогда и виду не показывал, жених.

Сижу себе на скамеечке, а мимо люди идут. Бегут, торопятся. Или просто гуляют. Детвора, мамаши с колясками. Мир, одним словом. Ну и хорошо. Значит, не зря жизнь прожила.

Рассказ Маи Евсеевны БРАУДЕ (продолжение)

А после войны время побежало. Кончила школу, поступила в МИФИ, тогда это был Московский механический институт. Я училась. Защитила диплом. Начала работать. Вышла замуж. Одна дочка, другая, внук, сейчас внучка.

Кажется, еще вчера был тот май, а уже сорок лет прошло.

Разметала жизнь всю нашу компанию. Кого нет, кто давно переехал.

В нашей квартире теперь дочка живет. Прихожу к ней в гости в наш дом, и каждый раз грустно становится. Стареет наш дом. Или это мы стареем!

А в прошлом году такая история приключилась. Димка тогда в шестом классе учился. Им задали написать сочинение «Судьба семьи в судьбе страны». И он написал про Бориса.

А Димка сам вылитый Борис. И даже родился, как и он, 14 октября.

Сочинения потом читали в классе. И Димкино тоже. Потом он приходит как-то домой и говорит, что Юля Костикова, девочка из его класса, с которой он дружит, спросила его, не было ли у нас дачи в Пушкине. Была, говорю, очень давно, до войны. Тогда, говорит, позвони ее бабушке. А оказалось, что бабушка Юли та самая Люда Бернардова. Мы с ней с войны не виделись. А наши внуки вместе учатся. Вот ведь как бывает.

Встретились и всю ночь до шести утра проговорили. И Бориса вспоминали, и наш дом, и старый патефон, и тот последний вечер перед войной у нас на даче, и всю жизнь.

И Новый год вместе встречали. А под утро пошли погулять. В такую ночь совсем спать не хочется. Ребята мяч с собой взяли. Юлька девчонка боевая, лучше любого мальчишки в футбол играет. И вот ребята мяч гоняли во дворе, а мы стояли и на них смотрели. И себя вспоминали.

Удивительно, мы из дома уехали, а он в нас живет. И в наших внуках тоже.

А они знай себе мяч гоняют.

Из сочинения Димы ВОРОПАЕВА

«Дядю Борю я знаю только по фотографии, которая висит у нас в комнате на стене, и по рассказам бабушки. В июне 1941 года он окончил 10-й класс 1-й военно-морской спецшколы. Когда дядя Боря и его товарищи по школе узнали, что фашисты напали на нашу страну, выпускники школы все как один написали письмо тогдашнему наркому обороны К. Е. Ворошилову с просьбой направить их на фронт. Но им тогда не было восемнадцати лет. Поэтому вместо фронта их послали учиться дальше. Дядя Боря был зачислен в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Вскоре фронт приблизился к Ленинграду, и курсанты училища приняли участие в обороне города. Потом дядя Боря попал в морскую пехоту. Его батальон сражался под Сталинградом, а затем участвовал в боях за Ростов. В документальной книге Михаила Андриасова «Шесть дней» я прочитал о том бое, в котором дядя Боря был тяжело ранен. Вражеский пулемет вел огонь, и наши наступающие цепи залегли. Дядя Боря был командиром взвода. Он послал одного бойца с гранатами подползти к пулемету с фланга и уничтожить его расчет. А сам во главе взвода бросился вперед, отвлекая огонь противника на себя. Так погиб дядя Боря. Он отдал свою жизнь за нашу страну, за нашу семью. В доме, где он вырос, установлена мемориальная доска, на которой есть и его имя. Мы с мамой и бабушкой следим, чтобы под этой доской всегда были цветы».

ДОМ

Стоит дом. Светятся по вечерам окна. Дом в центре Москвы. Москва в центре страны.

Они ушли защищать свой дом. И победили.

Когда-нибудь, говорят, что уже скоро, дом выселят и перестроят под учреждение.

Жизнь идет. Память остается.

СЕДЬМАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский публицист

В воскресенье 22 июня 1941 года профессор Ленинградской консерватории Дмитрий Шостакович собирался отправиться на футбол. Команда ленинградской «Красной зари» встречалась с московским «Динамо», и композитор надеялся на интересный поединок. Но матчу не суждено было состояться. В тот день радио передало, что Германия напала на Советский Союз. Через несколько часов после этого сообщения в Ленинграде была объявлена первая воздушная тревога...

Начался страшный, невиданный поединок!

Не прошло и месяца, как вспыхнула война, когда Шостакович записал первые такты нового симфонического произведения. Он набросал их на нотном листе без предвари-

тельного плана, среди грохота бомбардировок и песен полков, уходивших на фронт. Композитор еще не знал, каким будет произведение, но хотел включить в него все то жестокое, великое, что переживали в те дни советские люди, чтобы оно было чем-то гораздо большим, нежели симфоническое размышление. Не просто исповедью одного сердца, а сложным музыкальным рассказом о миллионах судеб, своеобразной переложенной на ноты «Илиадой» о самой ужасной войне в истории человечества...

Лавина звуков и страшных предчувствий!

Вступительная часть произведения еще не была завершена, когда фронт приблизился к стенам Ленинграда. В середине июля в консерватории были прекращены занятия. Преподаватели и студенты вступили в ряды народного ополчения. В залах консерватории расположились штабы, военные комиссии, службы эвакуации. В это время пришла и первая трагическая весть: молодой композитор Флейшман, самый талантливый ученик Шостаковича, погиб в бою. Творец осиротел. Его надежда была уничтожена фашистским снарядом. За несколько дней перед этим он получил письмо с фронта, в котором нот было больше, чем слов. Снаряд оборвал жизнь человека, оборвал его музыку...

Прекрасный квартет пал в бою под Пулковом! С каждым днем война все глубже и трагичнее входила в жизнь Шостаковича. Его дом уже был отмечен ее ранами. Над ним грохотали снаряды, на него пикировали самолеты, на его крыше гасили зажигалки. Все чаще и чаще композитор слушал в себе музыку, оглушаемый взрывами. Годы спустя он вспоминал, что работал за роялем в каске. Окна в комнате были выбиты, с потолка сыпалась штукатурка, а горячий ветер взрывов рвал шторы и приносил запах горящего железа. Ленинград стал фронтом, и война была повсюду. Но работа не прекращалась. Шостакович писал, не замечая времени, ослабевший, с воспаленными от бессонницы глазами, готовый умереть за клавишами, закапанными воском свечей. Он писал с остервенением, со злобой и восторгом, как боец, поднимающийся в последнюю атаку. Ничто не могло оторвать его от рояля, потому что он знал: в этой страшной войне музыка — это тоже фронт... Окоп в схватке с варварством!

В конце августа фашистская пропаганда объявила — не пройдет и месяца, как Ленинград, подобно груше, упадет к ногам фюрера. Гитлер издал приказ: после капитуляции город сровнять с землей, перепахать и сделать на его месте картофельные поля. «Цивилизованный мир не нуждается в таких городах»,— гласил приказ. Упиваясь успехами, ликовала смерть. Но Ленинград и не думал капитулировать. Город революции готовился к длительной и упорной обороне. У микрофона Ленинградского радио вставали воины, профессора, рабочие, писатели, матери героев, даже дети и клялись отстоять свой город. 17 сентября место в студии занял и Дмитрий Шостакович. Он дрожал от холода и усталости, но голос его был уверенным и ясным. «Только час назад,— сказал композитор,— я завершил партитуру второй части нового большого симфонического произведения. Если успею написать сочинение хорошо, если успею завершить третью и четвертую части, то тогда назову это сочинение Седьмой симфонией... Зачем я сообщаю это вам? Я сообщаю это вам, ленинградцы, чтобы вы знали, что жизнь в нашем городе протекает нормально. Все мы в этот момент находимся на своем боевом посту...» Речь Шостаковича звучала не только в домах и на улицах, но и на линии фронта. Громкоговорители пересилили канонаду боя и донесли голос творца до передовых позиций. На некоторое время воцарилась необычная тишина. Фронт слушал взволнованный человеческий голос, который сообщал, что Ленинград жив, что там среди пожарищ и взрывов рождается новая симфония. Это казалось почти невероятным: такая дерзость после «приказа фюрера»! И фашистская артиллерия открыла ураганный огонь по громкоговорителям. Напрасно! Эхо голоса композитора разносилось над гейзерами земли и огня: «Ленинград — моя Родина. Это мой родной город, это мой дом...» А спустя мгновение произошло что-то невероятное. Шостакович еще говорил, когда советские окопы поднялись в атаку с могучим непрекращающимся «ура».

Хотя и неоконченная, Седьмая симфония шла в бой... Хотя еще и не исполненная, она уже сражалась!

Осень и фронт пришли в город вместе. Вскоре мороз сковал Неву, и Ленинград начал жечь в печах мебель. Начинались самые страшные месяцы блокады. В эти дни Шостакович работал как сумасшедший. Клавир третьей и четвертой частей был почти завершен. Ясно проступали гигантские контуры симфонии. Чтобы достичь максимальной силы звука, композитор ввел в оркестровку дополнительную группу медных и ударных инструментов. Он стремился, чтобы война вошла в его музыку не как проблема, а как явь. Иначе и быть не могло: каждая нота симфонии рождалась в самом аду звуков великой битвы. Марш фашистского нашествия из первой части и колоссальной силы взрывы в третьей не были плодом обычной творческой фантазии, а пережитым лично ужасом. «Никогда я не был еще так конкретен»,— любил говорить Шостакович, пока писал симфонию. И был прав. Осветительные ракеты над Ленинградским фронтом освещали и его комнату. У каждого звука, долетавшего извне, была своя человеческая и художественная судьба. Не случайно, когда наступало минутное затишье после канонады, Шостакович чувствовал себя подавленным. Тишина страшила его неизвестностью. В такие моменты он заставлял греметь рояль, чтобы не дать волю страху, чтобы остаться среди звуков, которыми он жил. Именно в такую минуту он пришел к решению усилить оркестр. Максимальное напряжение обретало свой образ... Ту масштабность звука и форм, которые единственно мог повторить только фронт!

В одну из холодных осенних ночей в доме на Большой Пушкарской собрались гости. Ленинградские музыканты, оставшиеся в осажденном городе, пришли прослушать произведение коллеги. Шостакович принимал их в ледяной комнате, сердечно пожимая всем руки, и хотя не было чая, каждому предложил стакан кипятка. В то время это было лучшим угощением в ленинградском доме.

Гости сели вокруг рояля, укутавшись в одеяла и шали, в свете маленькой догоравшей свечи они были похожи на тени. Шостакович размял пальцы, скованные холодом, извинился за свою далеко не лучшую форму и начал.

Композитор играл нервно, с подчеркнутой возбужденностью. Он ударял по клавишам со всей мощью, время от времени напевая мелодию, а в отдельных местах сообщая о виде и составе инструментальных групп. Впечатление от музыки и ее исполнителя было потрясающим. Слушателей не покидало чувство, будто в комнату ворвался фронт, будто вокруг них, в темноте, собралась вся Россия. Симфония не имела почти ничего общего с прежним творчеством Шостаковича. Она была чем-то уникальным по темпераменту и выразительности, таким же необъяснимым скачком в неизвестность, как и сама война. Ее выразительность ломала привычные представления об утонченности музыки, заставляя все человеческое кричать от боли. Это была битва добра и зла, в которой гений не искал компромиссов. Ужас смерти и вера в торжество жизни сливались в одну общую стихию, словно невидимый Лаокоон боролся со змеями Афины. Это была не просто музыка: музыка и гнев, музыка и вера, музыка и проклятие, музыка и пророчество. Все, что могла родить страшная судьба Ленинграда и мира, было собрано здесь, как в огненном горниле, кровоточащее и ликующее. Упоенный гениальным творением, Шостако-

вич забыл о «своей далеко не лучшей форме» и играл словно в забытьи, весь в поту и слезах. Но чудо вдруг исчезло. В конце первой части, как раз тогда, когда прозвучали начальные такты грохота фашистских сапог, когда композитор имитировал бой тевтонских барабанов, где-то вблизи завыли сирены.

Шостакович поднялся из-за рояля и попросил у гостей извинения: он вынужден покинуть их на несколько минут. Надо было помочь семье спуститься в бомбоубежище. Через пару минут он снова был у рояля, и бой барабанов смешался с «музыкой» бомб. Вся вторая часть исполнялась под аккомпанемент зенитных батарей. Люди слушали, растроганные, изумленные этим невероятным слиянием искусства и войны. Когда отзвучал последний аккорд, все встали с мертвенно-бледными лицами, широко раскрытыми блестящими глазами, безмолвные и опустошенные. В углу послышалось рыданье. Наконец кто-то проговорил: «Это гениально!» Шостакович закрыл крышку рояля и смущенно сказал: «Не щадите меня, друзья, критикуйте смело...»

Вскоре Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича покинула Ленинград. Профессора и его семью эвакуировали в Куйбышев. Вопреки желанию, вопреки просьбам. В Смольном об этом никто и слышать не хотел. Решение было окончательным и дальнейшему обсуждению не подлежало. Композитор ругался, стучал в разные двери, приводил неотразимые доводы, но ему отвечали: «Вы принадлежите искусству, и мы не имеем права рисковать!» А риск действительно был велик. После отъезда семьи Шостаковичей лишь за один месяц ноябрь от голода умерли 12 тысяч ленинградцев. Еще больше погибло под бомбами и снарядами фашистов. В конце концов композитор вынужден был смириться. «Чувствую себя дезертиром»,— обиженно бормотал он и отправился в путь всего с одной папкой под мышкой. В ней, перевязанной обычной бечевкой, лежал клавир его новой симфонии. Позже, успокоившись, композитор понял, что война — всюду. Даже здесь, в Куйбышеве, где не падают бомбы, так много людей с пустыми рукавами, на костылях...

27 декабря 1941 года Седьмая симфония была завершена. Поздно ночью Шостакович написал на титульном листе партитуры: «Посвящается городу Ленинграду!» Было тихо, в доме все спали, и он долго молча стоял, положив руки на рояль. В это мгновение его мысли были далеко, там, на Пулковских высотах, где зимняя вьюга завывала от боли и ужаса. Композитор был среди тех, кому посвятил самые дорогие удары своего сердца. Потом вдруг вскочил, закурил и широко распахнул окно. Перед глазами простиралась река, и слышен был вой пароходной сирены...

Этой ночью Волга была так похожа на Неву! Этой ночью все реки мира для него имели только одно название — Нева!

Завершенная симфония взяла старт в бессмертие. Ее музыка летела от города к городу, от державы к державе, от континента к континенту. 5 марта 1942 года симфония была исполнена в Куйбышеве. Дирижировал Самосуд. 29 марта — в Москве, 22 июня — в Лондоне и Ташкенте. 9 июля — в Новосибирске. 19 июля — в Нью-Йорке под управлением Тосканини. И это были не обычные концертные исполнения. Это были премьеры-митинги, где исполнители и слушатели сливались воедино, постигая великие истины о войне и самих себе. После концерта в Нью-Йорке Тосканини назвал симфонию «интернациональным символом борьбы против нацизма». А поэт Карл Сэндберг воскликнул: «В Берлине нет новых симфоний!» Успех Седьмой был ошеломляющим. Симфония оказалась не просто музыкальным событием. Она стала откровением времени. И новым открытием России. Американский писатель Колдуэлл писал в газете «Ивнинг рекорд»: «Какой черт может победить народ, который способен создать музыку, подобную этой». Ответ был ясен: никакой! И мир ликовал. Под звуки симфонии люди видели зарю победы над фашизмом. Над всеми фюрерами и всеми другими исчадиями ада! И люди благословляли на победу композитора и его народ. После одного из концертов, на котором дирижировал Стоковский, симфонию назвали «произведением века». Услышав об этом, Шостакович застенчиво улыбался и смущенно спрашивал: «Не слишком ли преувеличено?» Для него симфония была детищем долга...

Детищем окопов, продолжавших стоять насмерть!

У симфонии было много премьер, но одна из них навсегда останется в истории. И не потому, что была самой шумной или самой торжественной, а потому, что была самой трудновообразимой. Но это была та премьера, которую Шостакович ждал всем своим существом. Она была его идефикс, полным осуществлением мечты. На этой премьере он достиг всего, к чему стремился как музыкант и как гражданин. Это была премьера его жизни, его личная победа над фашизмом и войной. Вслед за чудом творчества шло чудо исполнения. Симфония впервые прозвучала там, где родилась. Ее взрывные проклятия и гимны смешались с канонадой фронтовых батарей. Люди, которые исполняли ее, и люди, которые слушали, были солдатами. Они дрожали от голода и плакали от восторга. Они слушали свою симфонию, ту, музыка которой струилась в их собственных жилах. Это было что-то прекрасное.

Ленинград исполнял Ленинградскую! Это самое знаменательное исполнение Седьмой симфонии состоялось 9 августа 1942 года в Большом зале филармонии. Точно в семь часов тридцать минут вечера за дирижерским пультом появился Карл Ильич Элиасберг, главный дирижер оркестра Ленинградского радио. Он открыл партитуру, медленно поднял руку и таким навечно остался в воспоминаниях. Никогда до сих пор ни один дирижер не входил так естественно в мир памяти. Потому что медленное поднятие руки было не жестом, не притворством, не позой, а апогеем нечеловеческого усилия. Элиасберг в буквальном смысле восстал из гроба. Он был болен дистрофией, и любое движение отнимало частицу жизни. Голод, косивший тысячи ленинградцев, не пощадил и его. Рука дирижера была похожа в тот миг на руку пророка. Вознесенная над оркестром, она излучала тепло... Рука титана, призванного разбудить стихию!

И стихия пробудилась! Она залила зал всей своей мощью. Самый голодный дирижер на Земле высекал из самых голодных музыкантов звуки невиданной силы. Наперекор голоду и истощению музыкальное исполнение было безупречным. Струнные рыдали и ликовали, словно живые, а медная группа буквально сотрясала воздух. Вся фантазия звуков во всем своем великолепии стала достоянием слушателей. Публика, до пределов заполнившая зал, оказалась свидетелем и участником великого эстетического события. Хотя и слабая, хотя и болезненно бледная, рука Карла Элиасберга раскрыла всю гениальность симфонии. Здесь уже речь шла не только о судьбе Ленинграда. Музыка Шостаковича приобрела планетарные масштабы. Подобно Девятой симфонии Бетховена Седьмая обращалась ко всему человечеству. Она открывала свои истины на всех языках и всем сердцам. Вера в добро должна жить всюду. Отлично поняв эту сокровенную идею композитора, Элиасберг превратил концертный зал в трибуну. С ее высоты он командовал самым мощным залпом искусства по фашизму. Премьеры Седьмой в Москве, Лондоне и Нью-Йорке проходили под знаком политической взволнованности. Здесь, в Ленинграде, концерт был частью дыхания фронта. Он как бы непосредственно включился в сражение. Не случайно, что, пока играл оркестр, ни один фашистский снаряд, ни одна фашистская бомба не потревожили Ленинград. По приказу командующего Ленинградским фронтом маршала Говорова все вражеские огневые точки были своевременно подавлены. Симфоническая атака Шостаковича и Элиасберга была обеспечена с воздуха и на земле. В тот чудесный день августа защитники Ленинграда сражались за музыку. Точно так, как они сражались за Тихвин, а утром пошли сражаться за Колпино...

Впервые в истории искусства целый фронт прикрыл грудью исполнение симфонии.

Сам не зная того, Карл Ильич Элиасберг дирижировал более чем тысячью орудий.

Шостакович был счастлив.

Окопы назвали Седьмую симфонию Гвардейской.

Перевел с болгарского В. МИЛЮТЕНКО

ПАРАД ГРЯДУЩЕЙ ПОБЕДЫ

Готфрид ГРЮНБЕРГ,
немецкий писатель-антифашист

Чудесное воскресное утро. 22 июня 1941 года. Я снова в Москве: меня вызвали на учебу в немецкую секцию Коминтерна. Я собирался пойти погулять по солнечным московским улицам, когда услышал эту страшную весть. По радио объявили о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Я сразу же отправился в нашу секцию. Один за другим приходили взволнованные товарищи. Путь для нас был один — вступить в Красную Армию. Мы все записались добровольцами и потребовали, чтобы нас немедленно отправили на фронт. Мы были уверены, что Красная Армия разгромит гитлеровский вермахт, и надеялись, что скоро сможем вернуться на родину, в освобожденную от фашистов Германию. Нам казалось, претворяется в жизнь то, о чем мы пели в наших красных рабочих бригадах: «...а если они поднимут оружие на Советский Союз, наша честь позовет нас в бой, в революцию».

29 июня нам, новобранцам, выдали военную форму и отправили в учебный лагерь. Из иностранных коммунистов-добровольцев была сформирована особая интернациональная бригада. Каждый день мы осаждали нашего командира, чтобы он послал нас на фронт, ведь мы все уже держали в руках винтовки, почти все мы уже сражались с фашизмом в интернациональных бригадах во время Гражданской войны в Испании.

— Не кипятитесь, товарищи,— успокаивал нас командир.— Прежде всего вы должны пройти основательную специальную подготовку.

И мы учились. Все силы отдавали тому, чтобы стать умелыми, сильными, настоящими солдатами, такими, какие смогут победить фашизм. Мы учились стрелять из всех видов оружия, саперному делу. Но пока шла наша подготовка, бежало время. Красная Армия в ожесточенных боях с превосходящими силами противника вынуждена была отступать. Было ясно, что положение на фронте тревожное. Мы рвались в бой.

К нам обратился батальонный комиссар.

— Товарищи, мы хорошо понимаем ваше нетерпение. И я в особенности. Потому что я нахожусь в том же положении, что и вы. Я венгр. И мое место сейчас на фронте, там, где идет борьба с фашизмом. Потому что профашистское правительство заставляет венгерских солдат сражаться бок о бок с гитлеровцами против Советского Союза. Мы все члены партии, коммунисты. Партийная дисциплина должна соблюдаться. Когда и где мы будем сражаться — определит партия. И она требует от нас бóльшего, чем просто уметь хорошо стрелять.

Скоро пришло и наше время. Из бойцов бригады стали формировать отдельные диверсионные группы. Приходил приказ, и наши товарищи отправлялись на выполнение боевых заданий.

В середине октября нас срочно перевели в Москву. Положение сложилось тяжелое. Фашисты стремились захватить город с севера и юга, их танки рвались к советской столице. Москва превратилась во фронтовой город. Было введено военное положение. Правительство приняло решение эвакуировать из Москвы дипломатические представительства, культурные учреждения. Готовились к боям на улицах. Проспекты столицы ощетинились противотанковыми ежами.

Наша бригада была расквартирована в знаменитом Колонном зале Дома союзов, в котором так часто выступал В. И. Ленин. Здесь же проходили наши конгрессы Коминтерна. Теперь зал и балкон были заставлены койками. В подвалах был склад боеприпасов и бочки с зажигательной смесью для противотанковых бутылок.

7 ноября 1941 года нас подняли раньше, чем обычно. Наши четыре батальона выстроились в Охотном ряду (ныне проспект Маркса.— Ред.). Я вспоминал довоенные ноябрьские праздники в Мо-

---

Из книги «Горняк, боец, коммунист».

В 10 часов торжественно пробили кремлевские куранты на Спасской башне. Начался парад на Красной площади. Наша колонна маршировала парадным шагом мимо Мавзолея. Таким образом я увидел Сталина. Около него стояли маршалы Буденный, Ворошилов, товарищ Калинин и другие руководители партии и правительства, все точно так же, как в мирное время. Но бойцы маршировали не в парадной одежде, а в зимней полевой форме, с полной боевой выкладкой.

Через несколько дней настал и наш черед: пришел приказ — на фронт. В тот день я лежал с высокой температурой — грипп. Когда я вскочил на построение, наш капитан, увидев меня, сказал: «Грюнберг, вы остаетесь в медпункте. Кругом марш!» Я повернулся по уставу и сделал несколько шагов, но как только капитан занялся другим делом, пристроился к третьему взводу. Командир взвода улыбнулся и шепнул мне: «Во второй ряд!» И я зашагал вместе со всеми.

На площади перед зданием Моссовета мы получили добавочный комплект боеприпасов и бутылки с зажигательной смесью. Там стояли подбитые английские танки. «Никуда не годятся,— ворчали прибывшие с ними танкисты.— Больше одного боя не выдерживают».

Подъехала колонна автобусов. Мы погрузились и двинулись в северном направлении. Никогда бы не подумал, мелькнуло у меня в голове, что поеду на фронт на обыкновенном автобусе. Ехали недолго. От Лосиноостровской бригада прошла маршем еще с полчаса. Там колонна разделилась. Наш взвод занял позицию на берегу Клязьмы. Был приказ соблюдать абсолютную тишину — на другом берегу фашисты. Быстро стемнело. Под прикрытием быстрых зимних сумерек я оборудовал в снегу позицию для своего легкого пулемета и стал ждать. Через некоторое время пришел наш санитар с двумя одеялами и дал мне таблетку аспирина. «Приказ капитана,— сказал он.— Давай заворачивайся в одеяла, можешь поспать два часа».

Я чувствовал себя совсем плохо, но улыбнулся. Значит, наш добрый капитан знал, что я здесь. Я всегда был убежден, что сильный мороз — было почти 20 градусов ниже нуля — помогает выздороветь от простуды. Это я узнал на собственном опыте, еще когда был в Сибири. И на этот раз испытанное сибирское средство помогло.

Наутро перед нами открылся вид на скованную льдом Клязьму и заснеженную деревню на той стороне. Из некоторых труб поднимался дым. Идиллическая картинка. Не так я представлял себе фронт. Но это было кажущееся спокойствие. Около 11 часов фашисты начали артобстрел.

Наступление фашистов на Москву выдыхалось. Вовсю готовилось наше контрнаступление. Уже на следующую ночь позицию за нами

скве. Война изменила вид города: мостовые улиц и Красная площадь в целях маскировки были необычно разрисованы. Сверху, с самолетов, стало невозможно узнать привычные очертания центра Москвы. Те немногие фашистские бомбардировщики, которым удавалось прорваться к Москве, не находили целей для бомбометания. Сильная противовоздушная оборона столицы надежно защищала небо над городом.

То ноябрьское утро было холодным и неуютным. Пошел снег, что, впрочем, обычно в эту пору года в России. Дома, деревья, разрисованные мостовые медленно покрывались снежным одеялом.

Лица суровы, чуть нахмуренны, но торжественны. Я никогда не забуду тех минут, когда снежным ноябрьским утром мы печатали шаг по Красной площади мимо Мавзолея В. И. Ленина. Тот парад сорок первого года был для нас всех, и доживших до победного мая, и погибших в борьбе с фашизмом, парадом грядущей победы. Уже тогда, проходя по Красной площади, мы были уверены в победе и шли сражаться за нее. Сразу за собором Василия Блаженного у спуска к Москве-реке бойцов ждали грузовики, батальоны отправлялись на фронт — в Тулу, Наро-Фоминск, к Волоколамску — туда, откуда грозила Москве опасность.

заняла танковая часть. Еще через несколько дней у нас в тылу появились части всех родов войск. Со дня на день ждали начала наступления.

По ночам на той стороне реки полыхало зарево. Каждый день до нас доходили известия о зверствах, творимых гитлеровскими захватчиками на советской земле. Мы, немецкие коммунисты, особенно остро переживали эти сообщения. Когда мы ехали на фронт, мы пели наши немецкие песни. Теперь мы думали, вправе ли мы петь по вечерам в землянках немецкие песни, когда немецкие солдаты несут советскому народу смерть и разрушение. Это стало мучить нас, разгорались жаркие споры. Когда об этом узнал комиссар бригады, он пришел к нам и сказал:

— Что я слышу! Вы считаете, что сейчас неудобно петь народные немецкие песни! Напротив, пойте их громче и чаще, чтобы советские люди слышали, чтобы они знали, есть разные немцы. Они должны убедиться в том, что нельзя немецкий фашизм отождествлять с немецким народом.

Когда кто-то из нас сказал, что фашисты воспитывают в советских людях ненависть к немцам, комиссар прервал его:

— Почему вы хотите обидеть советский народ! Разве немецкий язык — язык фашистов! По-немецки писали и говорили Гёте и Шиллер, Маркс и Энгельс, Либкнехт и Люксембург, Тельман и Пик, Вайнерт и Бредель. Природа фашизма не немецкая, она интернациональна. Вспомните, Димитров еще на Лейпцигском процессе указал на это различие, когда он сказал судьям: не болгарский народ, а болгарский фашизм — варвар. Но какой фашизм не варварский! И немецкий фашизм отличается от других только тем, что он представляет собой небывалую до сих пор концентрацию силы. И мы ее все равно победим.

На следующее утро он поднял нас в атаку. Мы бежали, крича «ура!», по льду Клязьмы. Началось контрнаступление под Москвой. Это была первая победа над фашизмом.

Перевел с немецкого
П. МИХАЙЛОВ

ЗОЯ

Морис ХИНДУС,
американский журналист

Что бы ни думали американцы о «советах», их экономике, социальном строе и политике, моральный дух и характер советской молодежи, ее героические подвиги лучше томов цифр и фактов объясняют причины и суть непредвиденного в США патриотизма и поразительной боевой мощи русских. Им, вчерашним школьникам, так же как генералам и солдатам, страна оказывает торжественнейшие почести, они ее величайшие герои в этой небывалой войне.

Поэтому я хочу рассказать своим соотечественникам-американцам об одном из самых известных молодых героев Страны Советов.

На дороге между Москвой и Можайском есть деревня Петрищево. До декабря 1941 года Петрищево было ничем не примечательно — ни историей, ни достижениями своих жителей.

Ныне о Петрищеве знает каждый ребенок, и, не будь сейчас войны, сюда устремились бы паломники со всей бескрайней страны. Но когда война закончится и покуда стоит Россия, советские люди будут приезжать в эту затерянную среди лесов деревушку, потому что здесь погибла восемнадцатилетняя девушка Зоя, ставшая символом героизма советского народа.

Об этой девушке напишут книги — биографии, романы, пьесы, поэмы. Художники уже рисуют ее портреты для музеев страны, скульпторы работают над ее скульптурами. В Алма-Ате о Зое снимается художественный фильм. Все это лишь начало того, что будут воздавать ей во все последующие века.

В партизанском отряде ее звали Таней. Несколько недель спустя после казни, когда она уже стала национальной героиней, люди все еще не знали ее настоящего имени. Мать Зои о случившемся впервые услышала в трамвае, но тогда она и не подумала, что речь шла о ее дочери.

Мать Зои — высокая женщина сорока лет, слегка сутулая, у нее бледное, красивое лицо, карие глаза. Когда говорит, постоянно щурится и курит. Брата Зои, Сашу, я не застал дома.

— Когда он узнал о смерти сестры,— объяснила мать,— решил идти в армию. Ему было всего шестнадцать, но он высокий и крепкий, и его взяли — ему не терпелось воевать...

— В каких он войсках!

— Он в танковой школе,— сказала мать. В то время шли жестокие танковые сражения на южном направлении, газеты печатали страстные призывы к танкистам «сражаться до последнего вздоха» и, если потребуется, отдать жизнь, но сломать перевес врага в технике.— В своем последнем письме,— продолжала она,— сын пишет, что скоро закончит школу [1].

Зоя родилась в семье Космодемьянских — как многие русские фамилии, и эта идет от православных святых (Козьма и Демьян) — 13 сентября 1923 года в деревне Осиновые Гаи Тамбовской области. Когда ей было шесть лет, семья переехала в сибирский городок Канск, а через год в Москву. Ей исполнилось десять, когда скоропостижно умер отец, Анатолий Петрович Космодемьянский. Он был учителем, как и мать, Любовь Тимофеевна. «После смерти мужа,— рассказывает она,— я работала очень много, без выходных дней, лишь бы дети были сыты, обуты и одеты, себе во всем отказывала. Лучшим помощником и

Из книги Мориса Хиндуса «Мать Россия». Нью-Йорк, 1943.

[1] *В начале октября 1943 года Александр Космодемьянский с отличием закончил Ульяновское танковое училище.— Здесь и далее примеч. пер.*

брат пошли работать на завод «Борец». Работа казалась Зое слишком спокойной, ей хотелось более сложного, более важного дела. Она попросилась на трудовой фронт. Ее послали в совхоз на уборку картофеля.

За три недели ее отсутствия Москва очень изменилась. На фабрики, учреждения, архитектурные памятники легли маскировочные сети, изменился цвет, черты, лицо города. Германская армия по-прежнему продвигалась к столице. Грузовики с солдатами тянулись в сторону фронта. Москва преобразилась в напряжении борьбы, готовая стоять насмерть.

Зоя снова работала на заводе, но с каждым днем становилась все более недовольна собой.

— Но,— говорила ей мать,— ты же была на трудовом фронте, а это тоже для страны и для армии.

— Этого мало, мама.

В тот вечер Зоя записала в дневник:

«Бедная, милая мама, у нее была такая трудная жизнь! Я знаю, что я для нее не только дочь. После смерти отца я для нее самый близкий друг, и если со мной что-нибудь случится... (Зоя не заканчивает фразу, может быть, боится, что мысль о матери ослабит ее решимость?) Но иначе я не могу».

И может быть, чтобы отвлечь себя, она по памяти записала стихи Гёте:

Гремят барабаны, и флейты звучат.
Мой милый ведет за собою отряд,
Копье поднимает, полком управляет.
Ах, грудь вся горит, и кровь так кипит!
Ах, если бы латы и шлем мне достать! (2 раза)
Я стала б отчизну свою защищать.
Пошла бы повсюду за ними вослед...
Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом! (2 раза)

«Как я люблю эту песню! Гениальный композитор (Бетховен.— *Ред.*) написал музыку на слова гениального поэта — прошло больше ста лет, а эта песня все так же волнует сердца. Завтра все решится, хотя, поскольку это зави-

товарищем мне была Зоя. Мы и до того дружно жили, но со смертью мужа Зоя, как увидит у меня слезы, подойдет, приласкает: «Не плачь, мама, проживем, нам много не надо, а там я вырасту, буду тебя кормить, не горюй». Я уходила с утра, возвращалась поздно вечером, а Зоя успевала переделать все дела: обед приготовит, печь вытопит, полы вымоет, купит что надо. Шура же носил только воду и ходил за керосином. «Пол подметать, в магазины бегать — это может всякая девчонка!»

Зоя много читала, любимыми были книги русских классиков, особенно литературная критика девятнадцатого века — Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Белинский. Другое увлечение — русская история и фольклор. Ее героем стал Илья Муромец — мудрость, простота, щедрость, бесстрашие — воплощение лучших черт русского народа.

Любовь Тимофеевна показала мне список книг, которые дочь попросила взять в фабричной библиотеке: Байрон, Мольер, Диккенс, Мериме, Мопассан, Флобер, Марк Твен, Лонгфелло, Вальтер Скотт, Рабле, Виктор Гюго, Джек Лондон, Альфонс Доде, Сервантес.

Так случилось, что утром 22 июня Любовь Тимофеевна не слышала сообщения о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Когда она вернулась домой, Зоя сказала ей об этом. «Теперь вся жизнь пойдет подругому,— сказала она.— Вся жизнь по-другому». Тогда ни мать, ни дочь не подозревали, сколь трагичным окажется это пророчество.

Поглядев на дочь, Любовь Тимофеевна почувствовала что-то новое в своей девочке, чего не замечала раньше, сердце матери дрогнуло: это новое удивило и испугало ее.

— Уже тогда я поняла, что моя дочь может стать солдатом,— затягиваясь дымом папиросы, говорила мне Любовь Тимофеевна.

Начались бомбардировки Москвы. Зоя вступила в противопожарную дружину и все воздушные налеты встречала на крыше. Ни разу она не спустилась в бомбоубежище.

Пал Смоленск. Пал Киев. С каждым днем германская армия приближалась к Москве. Наступил сентябрь. Зоя и

сит только от меня, все уже решено».

На следующее утро, ничего не сказав матери, Зоя вышла из дома. Обедали они, Любовь Тимофеевна и Саша, вдвоем. Весь день мать простояла у окна. Но ни одна из проходивших девушек не походила на Зою. Сумерки сгустились. Мать опустила шторы светомаскировки, включила свет. На столе Зои лежала открытая книга. Под иллюстрацией она прочла: «Партизан Отечественной войны 1812 г. Василиса Кожина. Большую сделала России пользу. Награждена медалью и 500 р.». Мать перелистала страницы с портретами других партизан — Давыдов, Фигнер, Сеславин. Она посмотрела название книги. Академик Тарле, «Наполеон». В углу были Зоины галоши. На стуле висели ее старая юбка и зеленый шарф. На столе стояли немытые тарелки. Но комната казалась опустевшей, безжизненной.

Зоя пришла поздно, ее глаза сияли, она обняла мать и сразу:

— Мама, скажу тебе под большим секретом: я ухожу на фронт, в тыл врага. Работа очень серьезная, ответственная, и я горжусь, что мне доверили ее. Тебя прошу никому об этом не говорить, даже Шуре. Скажи, что я уехала к дедушке в деревню. Смотри же, мама, никому ни звука, что у тебя дочь в партизанах!

Мать молчала, боясь расплакаться...

Запись в дневнике Зои 30 октября 1941 года:

«Москва.

Пока еще Москва. Но завтра ухожу. Какое счастье!

«Ах, если бы латы и шлем мне достать...» Ну вот, я их и достала — «латы и шлем»! Это оказалось не так просто...

Долго бродила по улицам. Домой не хотелось возвращаться, пока все не будет решено окончательно. Мама... Я люблю ее больше всех на свете, и мне так тяжело причинить ей боль.

Я озябла и зашла погреться в читальню. Спросила Маяковского...

Мне бы хотелось — не теперь, конечно, теперь не до этого — написать критическое исследование о Маяковском. Вообще я мечтаю стать писателем. Особенно меня привлекает литературная критика. И если останусь жива, то после войны...

Часы пробили четыре, и я побежала в райком комсомола.

Секретарь устроил мне встречу с командиром части, которая имеет связь с партизанскими отрядами... Командир сказал, что мое желание будет исполнено: меня примут в партизанский отряд. И велел готовиться к выступлению.

А что мне готовиться? Я уже готова. Наконец я делаю все, что только могу, больше чего уже не в моих силах сделать. Это сознание наполняет меня огромным счастьем...»

Через два дня рано утром, ни о чем не подозревая, не зная, что в последний раз видит Зою, брат ушел на завод. Мать припасла для дочери сыр, который та любила. Они сели пить чай, но скоро Зоя уже оделась... Вышли вместе.

— Зоя, давай мешочек твой понесу.

Она пристально поглядела на меня.

— Что же ты, мама, такая невеселая идешь! Посмотри-ка на меня! Э, да у тебя слезы... Со слезами провожать меня не надо. Посмотри-ка еще раз...

Мать заставила себя улыбнуться. Зоя обняла, поцеловала ее, села в трамвай и уехала.

То было самое тяжелое для Москвы время. 16 ноября германская армия начала новое мощное наступление на столицу. Партизаны делали все, чтобы обескровить удар противника, замедлить его действия, нарушали его коммуникации, снабжение. Но в деревне Петрищево фашисты чувствовали себя в безопасности, это был почти тыл, здесь они отдыхали. В Петрищеве стоял 332-й полк 197-й дивизии, а также крупное кавалерийское подразделение. Все дома были переполнены вражескими солдатами и офицерами.

Зоя была разведчицей в партизанском отряде, действовавшем в том районе. Както ночью партизаны подкрались к Петрищеву. Зоя пошла в деревню, остальные прикрывали девушку. Вскоре загорелось несколько домов. Зоя вернулась к своим, и отряд исчез в лесу. В следующий вечер она опять направилась в Петрищево. С пистолетом в руке она подкралась к конюшне, где, по донесениям разведки, стояло двести лошадей противника. Сунув пистолет за пазуху, она вытащила из сумки бутылку с бензином, полила охапку сучьев и чиркнула спичкой. В этот момент кто-то подскочил и навалился на нее. Сбежались солдаты и поволокли ее в дом крестьянина Седова. Седов видел, как фашисты втолкнули в дом человека, в шапке, ватных брюках и телогрейке, стали срывать с него одежду, и вдруг обнаружилось, что перед ними девушка!

Подполковник Рюдерер, командовавший 332-м полком, вел допрос. Он хотел узнать, кто послал ее, кто ее сообщники, где прячутся. На все вопросы она отвечала: «Нет», «Не знаю», «Не скажу» — или молчала.

Офицер наконец вышел из себя и приказал пороть. Более двухсот ударов насчитали очевидцы. Она до крови закусывала губу и молчала. Она ничего не сказала им. Даже свое имя.

Через два часа пыток ее под конвоем повели в следующий дом, где жил крестьянин Василий Кулик. Василий хорошо рассмотрел ее: губы распухли и кровоточили, лицо в порезах и синяках, ноги и руки тоже распухли, волосы всклокочены, она с трудом дышала. Руки были связаны за спиной. То немногое из одежды, что оставалось на ней, было в крови.

На площади поставили виселицу. Зою привели на место казни. На шею ей повесили бутылку из-под бензина и табличку с надписью на русском и немецком: «Поджигатель».

Гитлеровские солдаты оцепили площадь. Крестьянам Петрищева было приказано присутствовать при казни. Сюда согнали и жителей из соседних деревень. Зою поставили на ящики под перекладиной, одели на шею петлю.

Один офицер пришел с фотоаппаратом [1], чтобы запечатлеть казнь. Он щелкал, крестьяне отворачивались и плакали... Зоя решила воспользоваться задержкой:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!..

Она обратилась к жителям деревни:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело! Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите! Мне не страшно умирать, товарищи. Это счастье — умереть за свой народ...

Палач натянул веревку, узел сдавил горло, с огромным усилием она ослабила его руками и крикнула:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!..

Кованый сапог палача выбил ящик из-под ног Зои.

В конце августа я разговаривал с молодым советским журналистом, который два месяца провел в партизанском отряде под Ленинградом. Речь зашла о Зое.

«...Как вы думаете, почему она не сказала даже своего имени! — говорил мой русский коллега.— От этого не было бы никакого вреда. Таня, Зоя, Зоя, Таня — что за разница для германской армии! Никакой. И все же она не сказала им. Она не хотела, чтобы они знали. Нам она как бы передала: не поддавайтесь, держитесь. Враг может повесить, четвертовать, но не сможет заставить отвечать на его вопросы. Дайте ему понять, что он никогда не сможет вас подчинить, какие бы пытки и смерти ни приготовил для вас.

Так стоял Севастополь. Так стоял Ленинград. Так мы должны стоять и дальше».

27 октября 1943 года. Действующая армия (по телеграфу):

«Части N-ского соединения добивают в ожесточенных боях остатки 197-й немецкой пехотной дивизии, офицеры и солдаты которой в ноябре 1941 года в деревне Петрищево замучили и убили отважную партизанку Зою Космодемьянскую. Опубликованные в «Правде» пять немецких фотоснимков расправы над Зоей вызвали новую волну гнева у наших бойцов и офицеров. Здесь отважно сражается и мстит за свою сестру брат Зои — комсомолец, танкист, гвардии лейтенант Космодемьянский...» [1].

Перевел с английского В. СИМОНОВ

---

[1] *Унтер-офицер Курт Овелц убит в одном из боев, при нем были найдены фотографии казни.*

[1] *13 апреля 1945 года гвардии старший лейтенант Космодемьянский погиб при штурме Кенигсберга.*

МОСКВА. Советский подготовительный комитет XII Всемирного совместно с Главной редакцией телепрограмм для молодежи Гостелерадио СССР организовали цикл телевизионных передач «Салют, фестиваль!». В цикл войдут передачи, рассказывающие об истории фестивального движения, о борьбе молодежи планеты за мир, о подготовке к московской встрече представителей молодого поколения всех континентов.

На снимках: участники концертной программы первой передачи цикла «Салют, фестиваль!» болгарский певец Бисер Киров (слева вверху), ансамбль фольклорной музыки под управлением В. Назарова (справа вверху) и студенческий танцевальный коллектив (внизу).

МОСКВА, 1985

БРАТИСЛАВА. Уже 26 лет в Словакии ежегодно проходит конкурс самодеятельных исполнителей стихов, песен и романсов на русском языке, который называется «Памятник Пушкину». Его организует Союз чехословацко-советской дружбы, а принять участие может каждый, подготовивший одно-два произведения. В этом году конкурс посвящен 40-летию Победы над фашизмом и освобождению Чехословакии Советской Армией. Победитель конкурса студентка университета из города Прешова Мария Чарна уже получила путевку на Московский фестиваль.

ХЕЛЬСИНКИ. Секретарь Национального подготовительного комитета XII Всемирного Мерья Ханнус рассказала: «У нас в Финляндии есть богатые традиции фестивальной подготовки: Хельсинки, Берлин, Гавана и сейчас Москва. Мне хотелось бы отметить тот факт, что все молодежные политические организации являются членами подготовительного комитета. Кроме того, мы стремимся привлечь молодежь, которая не входит в организации, но участвует в политической жизни. Я имею в виду тех, кого волнует защита мира, охрана окружающей среды, такие глобальные проблемы, как голод, детская смертность, неграмотность. Членами подготовительного комитета являются также различные спортивные общества. Мы рассматриваем их участие как чрезвычайно важный момент, потому что таким образом в фестивальное движение входят молодые люди, ранее не проявлявшие политической активности. Поэтому можно сказать, что в массовых демонстрациях за мир, в кампаниях солидарности, например, с патриотами Сальвадора, в самодеятельных концертах, средства от которых идут в Фонд фестиваля, участвует вся финская молодежь».

КОЛОМБО. «Национальный подготовительный комитет Шри-Ланки разработал и проводит в жизнь насыщенную программу подготовки к фестивалю,— сказал координационный секретарь НПК Абу Юсуф.— Помимо семинаров и встреч, на которых мы рассказываем об истории фестивального движения и борьбе молодежи мира за свои права — жить в мире, иметь работу, получить образование и специальность, мы устраиваем культурные мероприятия, на которых пропагандируем идеи фестиваля. В молодежных федерациях — членах НПК есть самодеятельные театральные труппы. Они подготовили представления на темы фестиваля и отправились с ними по районам республики. Такие уличные представления уже были показаны в 30 городах. В масштабах нашей небольшой страны это совсем неплохо. К тому же такая форма популяризации идей фестиваля не требует больших расходов. Кроме того, мы проводим ярмарки. Молодые ремесленники и любители приносят в дар фестивальному движению свои поделки, выручка от их продажи на ярмарках идет в фонд НПК. В июне в преддверии фестиваля мы проведем национальную встречу молодежи, которая станет как бы репетицией нашего участия в XII Всемирном».

СМОТРИТЕ. Сюда приезжают те, кто пережил эту страшную войну, и те, кто знает о ней только по книгам и фильмам; приезжают разные люди, приезжают со всего мира — поклониться боли и героизму советского человека, отстоявшего мир в этой страшной войне. Ради жизни на Земле он жертвовал своей в Брестской крепости, в Сталинграде, в Хатыни... Люди помнят и приезжают сюда, потому что хотят мира, хотят вместе бороться за жизнь на Земле.

Фото Е. СТЕЦКО

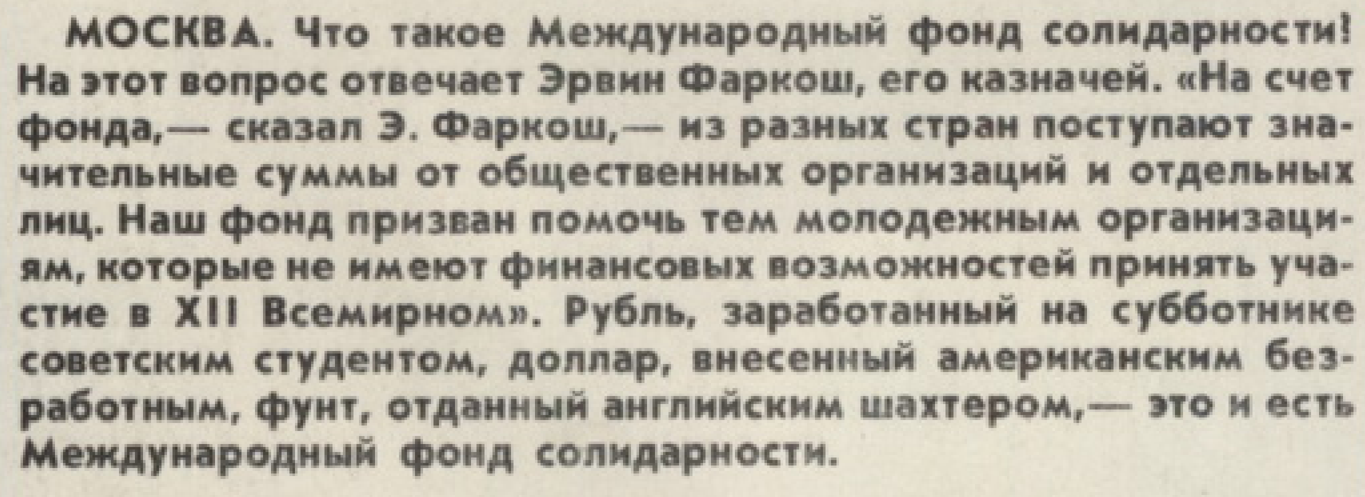

БЕРЛИН. Снимки вверху, которые помещены на этой странице, были сделаны во время национального фестиваля молодежи ГДР, который проходил в рамках подготовки к XII Всемирному. В нем приняли участие 750 тысяч юношей и девушек со всей республики. Фестиваль молодежи ГДР стал смотром трудовых достижений поколения юных. Готовясь к своему празднику, молодые строители, помимо возведения новых зданий, реконструировали около 2 тысяч старых квартир, обеспечив их всеми современными удобствами. И таких примеров множество. Лучшие из лучших рабочих, крестьян, тружеников науки, культуры, просвещения поедут в Москву на XII Всемирный.

МОСКВА. Что такое Международный фонд солидарности! На этот вопрос отвечает Эрвин Фаркош, его казначей. «На счет фонда,— сказал Э. Фаркош,— из разных стран поступают значительные суммы от общественных организаций и отдельных лиц. Наш фонд призван помочь тем молодежным организациям, которые не имеют финансовых возможностей принять участие в XII Всемирном». Рубль, заработанный на субботнике советским студентом, доллар, внесенный американским безработным, фунт, отданный английским шахтером,— это и есть Международный фонд солидарности.

КАНБЕРРА. Австралийский подготовительный комитет XII Всемирного издает вестник фестивальных новостей, рассказывающий о подготовке к московской встрече молодых как в своей стране, так и в других государствах мира. Для многих молодых австралийцев участие в подготовке к фестивалю — хорошая школа солидарности, единства действий. Это участие даст им возможность понять, что многие проблемы, которые стоят перед ними — безработица, расизм, загрязнение окружающей среды,— тесно связаны с всемирной борьбой за мир, против угрозы ядерной войны. Представители самых разных слоев молодежи — рабочего класса, туземного населения, женского движения, религиозных и культурных организаций — в процессе подготовки к фестивалю учатся вместе отстаивать свои права, находят общий язык.

На снимке: демонстрация активистов фестивального движения в Сиднее.

БУДАПЕШТ. Президент Всемирной федерации демократической молодежи Валид Масри, отвечая на вопросы журналистов, рассказал о предполагаемой программе XII Всемирного.

— Политическое содержание программы отражает круг проблем, которые сегодня больше всего волнуют молодежь. Это прежде всего обеспечение мира, предотвращение ядерной войны, разоружение. Важнейшее направление программы — антиимпериалистическая солидарность с народами, борющимися за свою свободу, независимость и самоопределение. Затрагивает она и социально-политическое положение молодого поколения в современном обществе. Большое место уделяется борьбе женской молодежи за равноправие, против всех форм дискриминации. Подчеркивается важное значение расширения международного сотрудничества, установления нового международного экономического порядка, охраны окружающей среды.

Конечно, программа учитывает, что фестиваль молодежи состоится в год сороковой годовщины Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Особенно важно, что форум молодежи пройдет в Москве, столице Советского Союза, чей народ внес решающий вклад в Победу. Это и год сорокалетия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, год десятилетия подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. И конечно же, Международный год молодежи, объявленный ООН. Все эти даты в программе нашли свое отражение.

Было также решено, что каждый день фестиваля, за исключением дней открытия и закрытия, должен быть посвящен определенной теме, волнующей широкий круг политических сил молодежи и студенчества. Будут организованы 15 тематических центров, таких, например, как центр мира и разоружения, антиимпериалистической солидарности, прав трудящейся молодежи и так далее. Конечно же, будут подготовлены интересные культурная и спортивная программы фестиваля.

На снимках: делегация французских ветеранов второй мировой войны возлагает венок к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

Фото Н. РЯСИНА

«ЛИШЬ БЫ РУССКИЕ ВЫСТОЯЛИ!»

Клод ШАМУССЕ,
ветеран французского движения Сопротивления

Я старый человек. Поверьте, к этому трудно привыкнуть. Вдруг оказывается, что жизнь ты уже прожил. В мои годы принято сидеть дома, особенно если неважно со здоровьем. А я отправился за тысячи километров. В Россию. Нет, это не туристская поездка. Я не люблю туризм. Я домосед. У меня под Греноблем ферма, я развожу лошадей и никогда надолго не покидаю моих жеребят. Я приехал сюда не за туристскими достопримечательностями, хотя, поверьте, ваша страна очень красивая.

Я приехал сюда отдать долг. Вашим солдатам, победившим фашизм.

Мы не официальная делегация ветеранов второй мировой войны, нет. Просто несколько человек, участников Сопротивления, решили приехать к вам в Москву и возложить венок на могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

Сегодня у нас была экскурсия по вашей столице. Это чудесный город. Но знаете, что меня поразило больше всего? Что молодожены приезжают к Вечному огню. Я

стоял и смотрел на них, на этих юношей и девушек. Мне очень понравились их лица, открытые и серьезные. Это хорошая традиция. Есть вещи, которые нельзя забывать.

Возложение венка от нас, ветеранов Сопротивления из Гренобля, состоится завтра утром. А я уже сейчас волнуюсь. Я и так плохо сплю, а теперь, знаю, мне предстоит бессонная ночь. Буду ворочаться и вспоминать.

В августе 1939 года мне исполнилось восемнадцать лет. Перед самой войной. Сейчас моему старшему внуку уже девятнадцать. Теперь я понимаю, каким я был тогда мальчишкой. Но в августе тридцать девятого я казался себе ужасно взрослым и чертовски красивым. Я только что закончил военное училище, получил звание младшего офицера и направлялся к месту службы в кавалерийский полк на линию Мажино. Дома, в Гренобле, у меня осталась невеста, моя Александрин. В первый же мой отпуск мы собирались пожениться. Мы поженились. Но уже совсем при других обстоятельствах. В нашу жизнь вошла война.

Фашистская Германия напала на Польшу. Англия и Франция, связанные союзническими обязательствами, объявили войну Германии. Я был молод и глуп: радовался, что началась война, рвался в бой с «бошами». В мечтах я видел себя первым ворвавшимся со знаменем в руках на гитлеровские укрепления линии Зигфрида. Какие детские мысли! Ничего этого не было.

Фашисты громили Польшу, а французская армия ждала, когда придет ее очередь. Мы не сделали ни единого выстрела. Один журналист назвал свою статью «Странная война». Определение оказалось точным, и с тех пор ее так и называют. Шла «странная» война. Фашизм расползался по Европе, а мы бездействовали, чего-то ждали.

На войне быстро взрослеют, даже если война странная. Я мучительно пытался понять, что происходит. Вместо того чтобы сражаться с нацистами, французское правительство начало войну против коммунистов. Было объявлено о запрете коммунистической партии. «Юманите», все другие коммунистические издания подвергались преследованиям. Коммунистов тысячами бросали в тюрьму. Политики и капиталисты боялись не нацистов. Самым страшным врагом для них был коммунизм и Советский Союз. Они надеялись, что Германия начнет войну против СССР, так и не начав наступления в Западной Европе. Так они отдали Гитлеру Австрию, Чехословакию, Польшу, считая, что все это подтолкнет его к войне против России. Буржуазные газеты открыто призывали к союзу с нацистами. В самом правительстве усиливалось влияние Лаваля, Петена, тех, кто через несколько месяцев предал свою страну и стал помогать фашистам устанавливать во Франции «новый порядок».

Это была «странная» война. В апреле 1940 года Гитлер приступил к оккупации Норвегии и Дании, а правые политики все громче призывали к войне против Советской России. Уходило время. Франция приближалась к катастрофе.

Мне кажется, я даже могу назвать день, когда я стал взрослым. Это было 10 мая 1940 года. «Странная» война превратилась в обыкновенную, где убивают. Франция была разгромлена в считанные недели.

Я никогда не забуду те дни. Беспорядочное отступление, бежали все. Пехота, конная артиллерия, иностранный легион. Пушки, грузовики, фургоны, раненые лошади, перевернутые ящики — все смешалось в огромной сутолоке. А сверху нас бомбили и расстреливали из пулеметов самолеты с фашистскими крестами. Вместе с нами шли куда-то беженцы. Всюду ручные тележки, детские коляски. Везде слышен один и тот же крик: «Нас предали!»

Наша часть попала в окружение. Выходили небольшими группами. Мы пробились к своим, но исход войны был уже предрешен. Правительство бежало. Гитлеровцы вошли в Париж. Лаваль и маршал Петен подписали перемирие с нацистами. Две трети территории Франции было оккупировано фашистами, а на юге новое правительство, состоявшее из коллаборационистов (тех, кто рад был сотрудничать с фашистами), обосновалось в курортном городке Виши. Правые газеты торжествовали и писали о сотрудничестве. Такого позора моя страна еще никогда не переживала.

Франция превратилась в придаток фашистской военной машины. Предав родину, капиталисты не прогадали. Никогда еще крупные промышленные картели не знали такого расцвета. Французские предприниматели радовались сотрудничеству с германскими промышленниками. Луи Рено, владелец заводов по производству автомобилей, танков и другой техники, уехавший в 1939 году в Америку, после позорной капитуляции спешно возвратился во Францию и стал сотрудничать с нацистами. Наша промышленность стала работать на германскую армию. Гитлер готовился к войне против СССР. Позже, в сорок третьем году, в партизанском отряде мы слушали по радио Москву. Передачи на французском языке вел писатель Жан-Ришар Блок. Сердце сжималось от боли, когда он рассказывал о выставке гитлеровской военной техники, захваченной Советской Армией. На броне танков стояло: «Сен-Шамон», «Крезо». Нацистские солдаты пользовались грузовиками «Пежо» (названия французских фирм.— Ред.). У меня даже сейчас сжимаются кулаки. Говорят, что время все лечит. Нет, это неправда. Предательство нельзя забыть.

Я вернулся в Гренобль. Настроение у всех было подавленное. Южная, неоккупированная часть Франции считалась «свободной» территорией. Нацистские прихвостни, вишисты, из кожи вон лезли, чтобы угодить своим хозяевам. Хватали коммунистов и всех, кто выражал недовольство. Начались преследования евреев. Французская полиция без промедления поставила себя в полное распоряжение оккупантов. Петен ввел гильотину.

Многим борьба казалась бессмысленной. Слишком неравны были силы. Я был в отчаянии. Я не мог сидеть сложа руки. Но что мы могли сделать, одиночки! Англичане отсиживались за Ла-Маншем, надежда на них была слабая, американцы выжидали.

Зима 1940/41 года была у нас очень холодная. Мой отец, кадровый военный, был в лагере для военнопленных в Германии. Старший брат погиб под Седаном, где гитлеровцы прорвали нашу оборону, пуля попала ему в висок. Я ухаживал за больной матерью. Проходили дни, недели. Казалось, что «новый порядок» установился надолго.

22 июня 1941 года пришло известие о нападении фашистской Германии на вашу страну.

Гитлеровцы наступали. Но вступление в борьбу Советского Союза рождало надежды на победу. В те дни взоры всех народов Европы, униженных и растоптанных нацистским сапогом, были обращены на Восток. Теперь от вашей страны зависело будущее. После капитуляции Франции Англия продолжала борьбу с гитлеровской Германией, она вела войну в воздухе, на земле Африки, на морях. Но как этого было мало! Для разгрома огромной гитлеровской армии, опиравшейся на промышленность не только собственной страны, но и мобилизовавшей ресурсы всех своих сателлитов, требовалось великое государство и мощная армия. Именно Советский Союз был таким государством и имел такую армию. И не было француза, достойного этого имени, который из глубины своего сердца не произносил бы: «Лишь бы русские выстояли!»

Теперь мы просто не могли сидеть сложа руки. Не имели права. На полях России гибли молодые русские ребята, наши сверстники. Они сражались с нашим общим врагом, фашизмом. Они сражались и за нас. Мы должны были что-то делать, чтобы помочь им.

С моими друзьями мы решили создать боевую группу. Мы солдаты. Мы будем сражаться на одном фронте с советскими солдатами. Пусть и за тысячи километров от них. У нас ничего не было: ни оружия, ни боеприпасов, ни опыта ведения партизанских действий. Было только страстное желание сражаться с врагом.

Мы жадно слушали передачи Московского радио. Советское правительство призывало свой народ при вынужденном отходе частей Красной Армии угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники угоняли на восток скот. Все ценное имущество, которое не могло быть вывезено, уничтожалось. В занятых врагом районах создавались партизанские отряды, борьба с врагом шла всюду и везде: взры-

вались мосты, дороги, горели склады. Гитлеровцы не знали покоя ни днем ни ночью, для них не было безопасного тыла. Мы слушали затаив дыхание. Как все это было непохоже на политику французского правительства, пошедшего на сговор с фашистами. Если капиталисты и правительство капитулировали перед гитлеровцами, войну им объявим мы, простые французы. Войну беспощадную. Враг не должен чувствовать себя спокойно на нашей земле.

Мы создали боевую подпольную группу. Доставали оружие. Готовились к боевым действиям. Но началось все с неудачи. Нашелся предатель. Пошли аресты. Мы не сделали еще ни одного выстрела, а уже лишились наших товарищей. Французская полиция старалась угодить гестапо. Мне пришлось скрываться. Наша группа решила уйти в горы.

Я говорил про обстоятельства, при которых мы с Александрин поженились. Не так мы представляли себе нашу свадьбу. В церкви никого не было. Священник, добрый старик, согласился обвенчать нас тайно. Позже, в сорок четвертом, кто-то донес гестапо, что он спасал коммунистов и евреев. Мы предложили ему бежать, но он отказался. Он не верил, что гитлеровцы могут с ним, священником, что-то сделать. Он погиб в Дахау. А тогда, в церкви, я помню, он был простужен и все время кашлял. Когда мы вышли на улицу, небо было звездное. Мы были счастливы. К тому же незадолго до этого стало известно о контрнаступлении Красной Армии под Москвой. Это известие окрылило нас всех.

Сейчас я иногда смотрю на ночное небо. Те же звезды висят на том же месте, так же называются. Нет-нет, тогда были совсем другие звезды. Наши, Александрин и мои. Мы были молоды, хотели жить и любить. И знали, что, может быть, уже завтра придется умереть. Через несколько дней я ушел в горы.

В сорок втором году нацисты оккупировали южную, вишистскую, Францию. Мы столкнулись с врагом лицом к лицу: устраивали диверсии на железных дорогах, засады на шоссе, взрывали линии электропередачи. Мы действовали группами по десять-пятнадцать человек. Нашими партизанскими базами были лагеря и деревушки в горах. В Веркор, наш горный район, вели только три дороги, и гитлеровцы побаивались к нам соваться, мы же постоянно совершали боевые рейды.

Не все получалось. Сказывался и недостаток оружия, и отсутствие у большинства из нас военного опыта. Первая же наша самостоятельная боевая операция закончилась трагически. На горной дороге мы устроили засаду. Наши связные получили сведения, что должна пройти колонна автомашин. Мы все рассчитали. Заряд взрывчатки должен был взорваться под передней машиной. На узкой дороге грузовикам будет трудно развернуться, и гитлеровцы окажутся у нас в ловушке. В последний момент, когда уже все было готово, что-то не заладилось с самодельным взрывателем. Ален, наш минер, стал исправлять. Он спешил. Он крикнул, чтобы мы все отошли. Фашистские машины должны были вот-вот подойти. Ален торопился и допустил неосторожность. Раздался взрыв...

Мы поклялись мстить за каждого нашего погибшего товарища.

Мы наладили связи с железнодорожниками. Они сообщали нам обо всех перевозках. Мы решили взорвать эшелон с солдатами, которых гитлеровское командование спешно перебрасывало на Восточный фронт. Наши ребята сняли часовых на мосту и установили мины. Я и еще несколько товарищей должны были страховать машиниста. Он спрыгнул с паровоза недалеко от моста. Все это было ночью. При падении он повредил ногу. Мы подбежали к нему и понесли. Нужно было быстрей уходить. На этот раз операция прошла четко. Сотни гитлеровских солдат погибли или оказались в госпитале. Наши боевые действия удерживали германские войска во Франции, и это было нашей посильной помощью советскому народу, который вел тяжелый бой в наших общих интересах.

В то время мы жили одним, когда же наконец будет открыт союзниками второй фронт. Проходили дни, недели, месяцы. Правительства Англии и США не торопились. Они выжидали, хотели обескровить Красную Армию, они уже тогда понимали: когда война кончится, им ни к чему сильный Советский Союз. Мы, молодые патриоты Франции, ждать не могли: мы сами открыли фронт борьбы с фашизмом, фронт Сопротивления.

Не могу забыть того машиниста. Он плакал. Не потому, что ему было больно. «Какая это была машина!» — все время повторял он. Ему было жаль свой паровоз. Нацистов мы не жалели, нет. В одном кафе собирались гитлеровские офицеры, и нашей группе поручили забросать это помещение гранатами. Операцию мы провели накануне 23 февраля, праздника Красной Армии. Это был наш братский привет советским солдатам, нашим товарищам по оружию. Я швырял в окна гранаты, гремели взрывы, звенело стекло, из кафе доносились страшные крики. Моя рука не дрогнула. Для меня это были не люди.

С Александрин я виделся тогда всего несколько раз. Тайком, урывками. Каждый раз она плакала. Все боялась, что меня убьют. Не убьют, успокаивал я ее. А мои товарищи гибли один за другим. Моего мальчика, моего сына Ги, я увидел впервые после освобождения, когда ему исполнился уже год.

В 1943 году гитлеровцы начали угонять молодежь на работы в Германию. Предатель Петен призывал французов к сотрудничеству с нацистами, а молодые люди всячески старались избежать угона в Германию, уходили в партизаны. Наши ряды ширились с каждым днем.

Мы вслушивались в сводки радио. Приемник был старый, плохой, и сквозь треск и шум долетал до нас голос из далекой Москвы. Сталинград! Как радовались мы победам Советской Армии, как воодушевляли они нас в те трудные годы!

Мы знали, что во французском Сопротивлении участвуют и советские люди. Легендой стала рота «Сталинград», из отрядов «франтиреров и партизан» (боевые части Сопротивления, созданные по инициативе Французской компартии.— Ред.), состоявшая в основном из советских солдат, бежавших из фашистского плена. В конце 1943 года эта рота прошла за один месяц с боями более трехсот километров и пробилась в департамент Верхняя Сона. Добывая оружие и боеприпасы в бою, эти ребята наносили удары по фашистским постам, пускали под откос поезда с войсками и различными грузами. И здесь, в партизанской войне во Франции, советские люди показывали пример героической борьбы с врагами.

Уже после войны я прочитал книгу, в которой были собраны последние письма коммунистов, приговоренных к смертной казни. Люсьен Тессель, молодой рабочий из Девиля, писал перед смертью, я помню эти слова наизусть: «Пусть на моей могиле будут красные цветы, такие же красные, как моя кровь, которую я пролью за всех, за французскую землю и за русские степи. Пусть иногда вспоминают обо мне, и пусть продолжается жизнь». Под этими словами мог поставить свою подпись каждый из нас.

Многие мои товарищи не увидели освобождения. Они погибли. В нашем отряде погиб каждый третий. Я помню одного молодого лицеиста. Его звали Клод. Он участвовал в освободительном движении в Анжере, потом приехал в Гренобль. Когда его вызвали для отправки в Германию, он ушел к партизанам. Его родители скрывались в Гренобле. Он пролил свою кровь на заснеженном плато Маллеваль. А 23 февраля 1944 года посреди улицы в Гренобле гестаповцы застрелили его отца.

Помню, как схватили нашу девушку-связную. В гестапо ее пытали. Ей отрубили пальцы на обеих руках. Она никого не выдала.

Все дальше в прошлое уходит война. Прошло сорок лет. Уже потихоньку уходим мы, те, кто выжил. Умер мой друг Альбер Пети. Тогда, в сорок четвертом, во время боев в Веркоре, ему оторвало ногу, и я вынес его на себе.

Мы победили. И мы знаем, кому мы обязаны нашей победой. Приехать в Москву мы собирались еще с Альбером. Теперь я приехал и за себя, и за него.

Наш венок советским солдатам — это наша память, наш долг тем, кто отдал свою жизнь и за нашу свободу.

Записал М. ПАВЛОВ

«ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ НАВСЕГДА!»

Алмас Абдула ВУДУД, Афганистан. Враги народной власти у меня на родине с особой яростью и злорадством убивают учителей, детей, крестьян, которые захотели учиться, сжигают школы. Им нравится, чтобы мой народ был слеп и одинок, ведь знания открывают человеку мир, помогают войти в сообщество всех людей на земле, увидеть прошлое, настоящее и будущее.

Я всегда об этом думаю, когда прихожу к Кремлевской стене, к Вечному огню на могиле Неизвестного солдата. Я думаю об этом потому, что фашизм тоже хотел лишить народы истории, лишить законов гуманизма, принципов человечности, выстраданных и завоеванных людьми за века существования общества. Я напомню только то, что знают все. К XX веку человечество пришло к международному соглашению: дети и раненые неприкосновенны. Фашисты во время Гражданской войны в Испании стали бомбить санитарные машины с красным крестом на крыше, тогда они стерли с лица земли город Гернику со всеми ее детьми, беременными женщинами, стариками. Прогрессивный мир содрогнулся от ужаса и возмущения. А потом фашизм развязал вторую мировую войну, напал без предупреждения на Советский Союз, и десятки городов повторили судьбу Герники. Фашизм страшен тем, что он бесчеловечное пытался сделать нормой, он хотел все народы сделать слепыми. Поэтому, я думаю, День Победы — это праздник не только советского народа и тех народов, что боролись с фашизмом. Это праздник всего человечества, это праздник тех, кто и сегодня борется за мир, борется с последышами фашистов, в какие бы одежды они ни рядились.

Мне никогда не забыть скорбную и величественную минуту молчания в день 9 Мая. Это скорбное и величественное мгновение — дань памяти и почтения тем, кто не вернулся с Великой Отечественной войны, это дань памяти и почтения тем, кто сохранил жизнь, надежду, будущее всему человечеству.

Георгис ФРАНГОС, Кипр. Хотя более 20 тысяч киприотов сражались в составе английских войск против фашизма, даже на моей родине есть люди, которые плохо представляют себе, как пришла победа. Я знаю: если человек на Западе не обращается к прогрессивной литературе, а читает только иллюстрированные журналы и смотрит голливудские фильмы, у него создается далекое от действительного представление о войне. Например, даже в школе нам говорили, что в России гитлеровцев разгромил «генерал Зима». А когда мой сосед по парте спросил, а что, русские не боятся холода, преподаватель рассердился и сказал, что он не позволит срывать уроки.

Другой пример. Как утверждает статистика, из каждых 100 фильмов, показанных по кипрскому телевидению, 39 американских и 24 английских. И если среди них есть фильмы о войне, то там действуют только солдаты США, .Англии, Канады, Австралии. Я только один раз видел фильм, и то в кино, а не по телевизору, где показывали Сталинградскую битву, и, представляете себе, ее показывали как одно из рядовых сражений второй мировой войны.

Я подозреваю, что на Западе могут быть и такие люди, которые не знают, что Советский Союз участвовал во второй мировой войне и разгромил гитлеровский фашизм. И уж, наверное, почти никто не знает, что примерно $^4/_5$ потерь фашистская Германия понесла именно на Восточном фронте.

Такое незнание важнейших для жизни каждого человека событий XX века нельзя объяснить нелюбознательностью, случайностью или чем-нибудь еще в таком же роде. Такая «забывчивость» удобна тем, кто под предлогом «советской угрозы» наживается на производстве и торговле всяким оружием. Если люди будут знать правду, они никогда не поверят в «советскую угрозу».

Поэтому я думаю, празднование 40-летия Победы над фашизмом хорошо послужит делу мира. Я знаю, на Кипре во всех городах пройдут торжественные вечера, люди услышат правду о героизме советских людей, Советской Армии. Я сам впервые узнал о блокаде Ленинграда, о битве под Москвой на одном из таких вечеров, когда мне было пятнадцать лет. И чем больше людей будет знать, как завоевана победа сорок лет назад, тем с большей уверенностью можно будет отстаивать сегодня победу мира над угрозой войны.

Про себя я думаю, что мне очень повезло: я учусь в Советском Союзе, я вижу, как советские люди созидают новую жизнь, с каким уважением они относятся к творчеству. И не только людей науки или искусства. К творчеству каждого рабочего человека — ткачихи, агронома, строителя. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть в любой список лауреатов Ленинской и Государственной премий. А когда народ способен к творчеству, ему чуждо разрушение. Как сказал греческий поэт, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Яннис Рицос: «Когда творим и поем — это и есть мир!»

Амрита АРЬЯЛ, Непал. За годы, что я учусь в Советском Союзе, я лучше узнала историю этой страны, ближе познакомилась с ее людьми. Я знаю, какие жертвы принесла почти каждая советская семья во время Великой Отечественной войны — ведь погибло 20 миллионов молодых, талантливых и даже, наверное, гениальных.

Я знаю немолодых женщин, живущих одиноко. Они потеряли во время войны все — мужа, сына, дочь. Мне кажется, я понимаю их тоску и боль. И я восхищаюсь ими, потому что они ни-

кому не показывают свою тоску и боль. Многие из них все свои силы отдают работе. Я думаю, эти женщины тоже героини, хотя они и не были на фронте. Только такие женщины, стойкие, мужественные, гордые, могли воспитать героев, победивших фашизм.

Я знаю, среди преподавателей нашего университета есть бывшие фронтовики. Только в День Победы, когда они надевают свои боевые награды, мы узнаем, что живем и учимся среди героев. Эти скромные люди никогда не рассказывают о своих подвигах и, как я заметила, когда мы просим их рассказать о войне, всегда очень волнуются и говорят не о себе, а о своих боевых товарищах.

Когда первый раз в жизни 9 Мая я праздновала на площадях и улицах Москвы День Победы, я беззаботно радовалась вместе со всеми и кричала «ура!», когда гремел салют. В этом году я буду в третий раз разделять этот праздник с великим народом. Радость и гордость за советских людей попрежнему переполняют мое сердце. Но мне кажется, теперь я поняла ответственность, и свою лично и всего нашего поколения, за то, чтобы ужасы войны не повторились. Празднуя Великую Победу, мы должны всегда помнить, что нам защищать принесенный ею мир.

Марица АКУНЬЯ, Коста-Рика. Мне бывает грустно оттого, как мало людей в моей стране, да, наверное, и во всей Латинской Америке, знают о второй мировой войне. А немногое из того, что известно, подается в американизированном варианте. А этот вариант, помимо того, что умаляет роль СССР в разгроме фашизма и так перетасовывает факты, что не поймешь, где правда и где ложь, еще и восхваляет войну. Например, я читала, что в бою всегда побеждают бравые американские парни, которые все делают более ловко и умело, чем их противники; война — это конкурс на звание настоящего мужчины; война — жестокая вещь, и там нечего делать мягким, добрым людям, их бьют, от них хотят избавиться свои же солдаты; на войне все дозволено, люди, привыкшие убивать, и в мирной жизни сохраняют эту

«привычку». Я думаю, все это пишут люди, никогда не видавшие разбомбленные города и трупы убитых.

Такие рассуждения интуитивно я не принимала всерьез и дома. А в Москве я убедилась, какая это все чушь. Пропаганда войны для глупых мальчишек.

В Москве я увидела настоящих героев второй мировой войны, тех, кто, не щадя себя, спас мир от фашизма. 9 Мая я поехала в центр к Большому театру. По традиции там собираются ветераны войны. Я видела, как со слезами на глазах здесь встречались люди, которые когда-то вместе воевали. Слышались звуки старой фронтовой гармошки, сияли на солнце ордена; кто-то выкрикивал номера своих полков в надежде встретить боевых друзей, с кем не виделся долгие-долгие годы. От праздника к празднику их все меньше приходит сюда, к Большому театру. Умирают от старых ран бывшие фронтовики. Но те, кто приходит сюда, на глазах становятся моложе. Они поют свои походные песни, танцуют вальс. И молодежь тут же, рядом с ними: девушки приглашают на танец тех, кто танцевал в молодости во время коротких пауз между боями. Это все мирные, на первый взгляд обыкновенные люди, но они защищали свой дом, защищали справедливость и поэтому победили.

Очевидно, что равенство людей, которое обеспечивает социализм, объединило этих бывших солдат и в нужный момент они поднялись на защиту своего Отечества. А коммунистический интернационализм вдохновил этот народ на освобождение стран, находившихся под игом фашистской нечисти.

Становится понятно, почему этот народ всегда отстаивает мир и вместе со всеми прогрессивными людьми не допустит третьей мировой войны: такая кровь и такая боль не забываются.

И все это вселяет в меня дух солидарности с этими прекрасными ветеранами, собравшимися возле Большого театра, с этим народом, который победил в самой страшной войне и никогда не допустит новой.

Фарид Хатем АЛЬ-ШАХАФ, Сирия. День Победы в Великой Отечественной войне — величайший праздник всего человечества, избавленного от фашизма, и, конечно, советского народа. Ведь именно победа социализма над фашизмом открыла путь событиям всемирно-исторического масштаба — распаду колониальной системы. За послевоенные годы на политической карте мира появилось более ста освободившихся, независимых государств. Сирия, например, получила независимость в 1946 году. Поэтому трудно переоценить значение победы над фашизмом для нашего народа, как и для народов других освободившихся стран.

Я думаю, люди во всем мире должны больше знать об этой войне. Советский народ, для которого она была тяжелым испытанием, никогда не забывает о ней. Приехав в СССР, я прочел много книг, увидел фильмы о войне. Я смотрел по телевизору многосерийный художественный фильм «Блокада». То, что я увидел, было страшно. Жители Ленинграда умирали от голода в своих домах и прямо на улицах, но не сдавались. Маленькие дети и старики вставали на рабочее место погибших и продолжали работу для Победы. Тогда я понял, почему советский народ победил: в те трудные годы героем становился каждый по зову Родины, по зову сердца.

Такие фильмы очень нужны. Люди всех стран должны учиться на этих героических примерах истории. Они должны хорошо представлять себе, что такое война, чтобы еще настойчивее бороться за мир.

Эмануэль КОЛАВОЛЕ, Бенин. В годовщину Великой Победы я хотел бы выразить свое восхищение мужеством и героизмом советских солдат и свою благодарность советскому народу, который во время войны всем сердцем принял лозунг партии «Все для фронта, все для победы!».

С глубоким уважением смотрим мы на ветеранов Отечественной войны, слушаем и никогда не устанем слушать их рассказы о пережитом. День Победы — это не только день победы Красной Армии над фашистской армией, это день победы всего человечества над фашизмом, это предупреждение всем силам реакции: народ, отстаивающий свою свободу и достоинство, непобедим.

День Победы — это твой праздничный день.

День Победы — это мой праздничный день.

9 Мая! Ты останешься в наших сердцах навсегда!

Су КЕТЬЯ, Кампучия. Наша революция 7 января 1979 года свергла человеконенавистнический режим Пол Пота. Наш народ, спасенный революцией от полного истребления, выбрал социалистический путь развития. Прошло шесть лет, и, несмотря на то, что банды недобитых полпотовцев, укрывшись в Таиланде, пытаются нарушать нашу границу, убивают мирных людей, в Кампучию вернулась жизнь. Нам трудно, но мой народ напрягает силы: восстанавливать приходится все — и водопровод в домах, и ирригационные сооружения в полях, и дороги, и школы, и веру людей в силу жизни, добра.

Социализм — это такой строй, который вливает в людей веру в завтрашний день. Я это вижу на примере моей родины.

Я приехал в Советский Союз учиться, я живу здесь уже три года. И я вижу, что социализм — это не только родник силы, а это еще и неприступная крепость. Только социализм мог сломить силы зла — фашизм, только социализм сломил силы зла в моей стране — наследие Пол Пота.

Поэтому День Победы — это праздник социализма. У каждого народа, борющегося с силами зла, с империализмом, будет свой день победы. Но 9 Мая навсегда останется днем нашей общей победы.

Мария Магдалена БЕРНАРДО, Бразилия. Я живу в СССР уже три года. За это время увидела, почувствовала и убедилась, как дорог советскому народу мир, как он борется за него. Как будущей журналистке мне особенно хочется отметить, насколько активно и плодотворно принимают участие в этой борьбе советского народа за мир средства массовой информации в Советском Союзе.

Мне всегда хотелось понять, какие они, люди, прошедшие войну! Когда я смотрю документальные фильмы о войне, я всматриваюсь в лица. Молодые и средних лет, озабоченные, иногда веселые. Этих людей легко представить в мирной жизни: этот крестьянин, а тот бухгалтер, учитель, каменщик (так я прикладываю к людям в солдатской форме мирные профессии, и их мирная жизнь мне кажется понятной). Но вот они идут в атаку, под шквалом огня (пушки, минометы, бомбы) в полный рост бегут навстречу смерти. Это и на экране-то видеть страшно. Как они могли! Что поднимало их в атаку!

Все эти вопросы я перебирала в уме, готовясь к интервью с ветераном Отечественной войны. Я долго не могла решить, с кем мне побеседовать, в университете работает много участников войны.

Я выбрала нашего вахтера Александра Васильевича Крюкова. Всегда приветливый, доброжелательный, когда мы утром, идя на занятия, здороваемся с ним, от его доброй улыбки становится тепло на душе.

Александр Васильевич был солдатом с первого до последнего дня войны. Он рассказал, что воевали все мужчины из их семьи: три его брата и муж сестры. Все погибли, он один вернулся домой.

— Когда началась война,— сказал Александр Васильевич,— у нас не было растерянности, страха, мы верили в победу. Было чувство уверенности, что нет такой силы, что нас одолеет. Мы знали, что победим. А когда стали освобождать наши села и города, увидели, что фашисты там творили, какие зверства, чувство было — скорее надо фашистов разбить, чтобы поменьше было этого ужаса. Каждый из нас защищал свой дом — Советский Союз. А если мы его не защитим, кто же тогда! Ну уж, когда война кончилась, хотелось быстрее домой, руки по работе соскучились. Мы радовались тогда каждому мирному дню. Утром проснешься и думаешь, хорошо-то как: нет войны. Мы, фронтовики, наверно, лучше всех знаем цену миру. Пока живы, всегда будем бороться за мир.

Я смотрела на Александра Васильевича и думала — вот такие люди отстояли жизнь от фашизма. Когда народ един и хочет мира, справедливости, прогресса, никакие злые силы не одолеют его. Это я поняла.

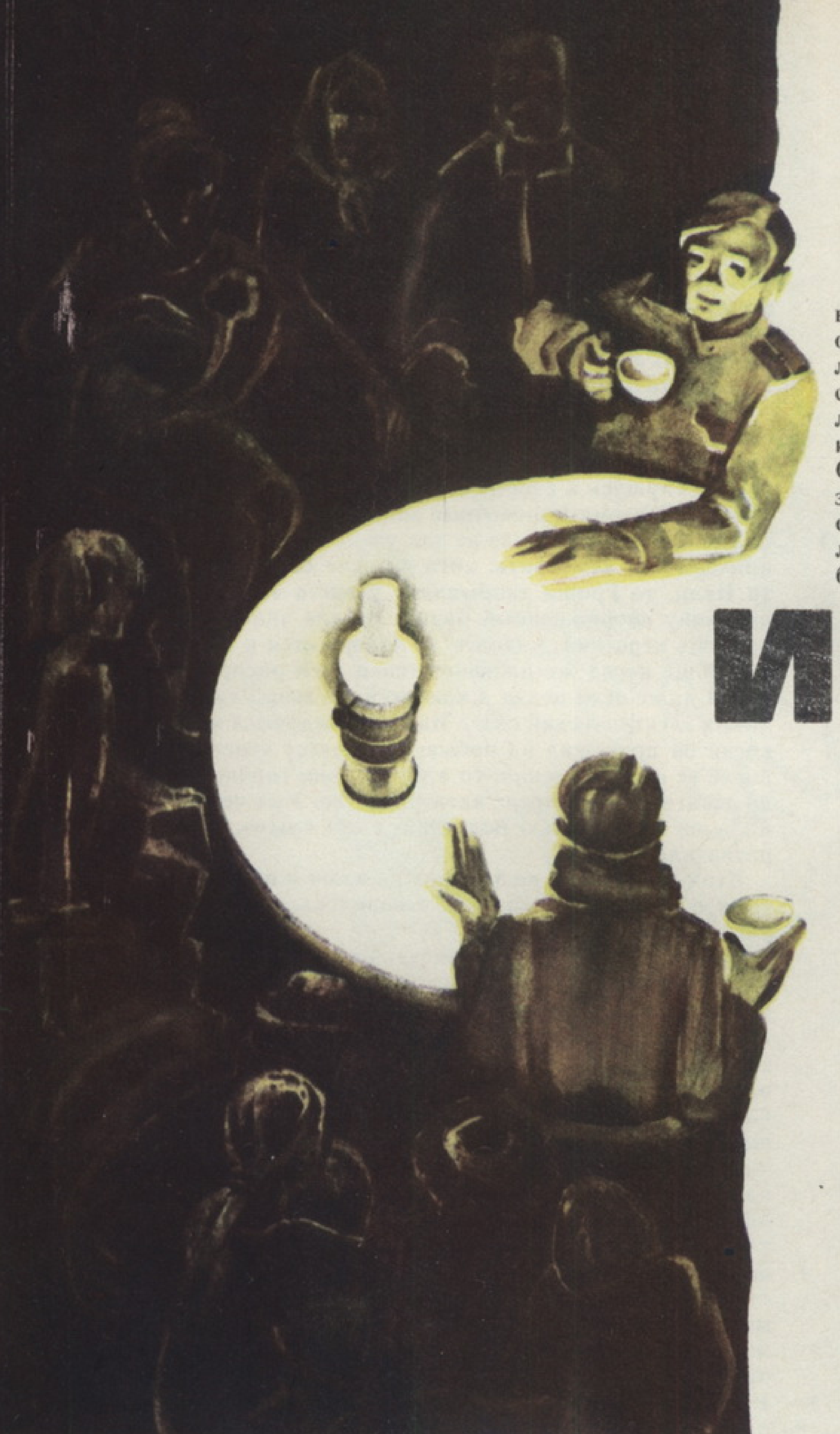

Рис. Е. МЕДВЕДЕВА

ИВАН

Иван БОЛДИЖАР,
венгерский писатель

РАССКАЗ

В ту пору фронт опять подступил к нам вплотную. Рождественским вечером русские отогнали немцев к больнице святого Яноша, а под Новый год мы вместе с разместившимися в нашем доме русскими солдатами пили *«Советское шампанское»* [1]. Праздничный напиток принес мой тезка — командир минометной батареи. «Лейтенант-то я младший, а по годам — старший»,— говаривал он. Моих познаний в русском хватило на то, чтобы уловить игру слов: «младший» однозначно «молодому». А по возрасту младший лейтенант и впрямь был немолод: тридцать два года стукнуло, как и мне. Миномет начали устанавливать рождественским вечером в крохотном палисаднике у дома на улице Хидас. Я решил не спускаться в подвал бомбоубежища: мне было интересно наблюдать бои в районе Будадёнди — исторические бои, память о которых хранит лишь хроника моей личной жизни.

Догорала бензоколонка — та, что возле аптеки,— когда я вдруг заметил, как несколько русских бойцов волокут миномет, выбирая огневую позицию. Место для него было определено как раз под нашим балконом, и солдаты киркой долбили промерзлую землю, а затем саперными лопатами углубляли окоп. Я не стал дожидаться, пока они стащат в укрытие миномет, а, нацепив очки, чтобы выглядеть постарше, обмотал шею толстым серым шарфом и поднял воротник своего зимнего пальто. В прихожей мимоходом я подхватил старую отцовскую бамбуковую трость и по лестнице нес ее наперевес, но, выйдя из подъезда, оперся на нее и, чуть прихрамывая, побрел к солдатам.

Им было не до меня. Из-за аптеки время от времени слоновьим хоботом высовывалось пушечное дуло танка, поливало огнем и снова пряталось за углом. Вслед за огненным валом, осторожно пригибаясь, выбегали солдаты. И я видел себя — кажется, времен столетней давности, а на самом деле всего каких-то полтора года назад — между Курском и Острогожском, когда в бой были брошены все резервы [2]. Стоял конец мая, необъятная русская степь изнывала от зноя и пыли. Мои ладони, сжимавшие винтовку, взмокли от пота. Я ничего не соображал, в голове — ни единой мысли, мучительно прихватило желудок, но я крепился что было сил, а затем все мое существо — пока я мчался короткими перебежками, припадая к земле, вскакивая и вновь устремляясь вперед,— было пронизано одним-единственным желанием: ни в коем случае не пускать в ход оружия. Что бы там ни было, а я не стану стрелять в людей. Мы добежали до стогов сена. К тому моменту от целой автоколонны нас осталось всего лишь пятеро, но, правда, зато самых молодых. Ткнувшись ничком, мы пытались кое-как отдышаться.

Приникнув к ограде палисадника, русский офицер внимательно смотрел вслед только что прокатившейся волне сражения. Я направился к нему, демонстративно размахивая свободной рукой, чтобы он не подумал, будто у меня наготове пистолет. Подошел, но не слишком близко. Обратился по-русски: *«Здравствуйте»,*— офицер машинально ответил и, лишь обернувшись, удивился, увидя перед собой штатского. Он вопросительно взглянул на меня, а рука его непроизвольным движением скользнула к кобуре. Осени меня во время писательских трудов такое вдохновение, как в тот момент, и акции мои теперь стояли бы куда выше: я представился офицеру как положено. Произнося свои имя и фамилию, я чуть язык не сломал: легко ли после стольких-то лет военной службы вести себя как подобает штатскому человеку.

Заслышав мое имя, он враз помягчел. *«Иван? —* переспросил он, на русский лад, растягивая гласные.*—Ты Ваня? Гаваришь по-русски?»*

«Гаварить» я, конечно, говорил не бойко и с грехом пополам растолковал ему, что в доме полным-полно малых детей и стариков и нельзя ли, мол, переставить миномет чуть подальше. Соседний участок не застроен, а деревья хотя и голые — тут мне трудно было подобрать нужные слова,— но некоторой маскировкой все же послужат. «А ты не врешь, что тебя Иваном зовут?» Я попросил его подняться со мной на третий этаж, там я даже вывесил на двери табличку, где значились кириллицей мои имя, фамилия и род занятий, поскольку из путевых заметок Ийеша и романов Эренбурга я вычитал, что русский человек с почтением относится к литературе.

Офицер сделал знак двум солдатам, те перекинули автоматы через плечо, и мы двинулись на третий этаж: впереди один из солдат, за ним офицер и я, а замыкал шествие второй солдат. Офицер прочел надпись, выведенную тушью на картонной табличке, тщательно выговорил по слогам мою фамилию, а затем, оборотясь ко мне, сказал: *«Я тоже*

[1] *Слова, выделенные курсивом, даются в тексте автора по-русски.— Примеч. пер.*

[2] *В июне 1941 года фашистский режим диктатора Хорти, господствовавший в Венгрии с 1920 года по 1944 год, вверг страну в войну против СССР на стороне фашистской Германии.— Здесь и далее примеч. ред.*

Иван». Фамилии своей он не назвал, но ведь, по сути, мы представлялись друг другу не в светском салоне. Я, правда, чтобы доказать свою воспитанность, галантно прибавил, что, мол, *«очинь рад»,* и тут мой тезка от души расхохотался. Возможно, со времен родной Одессы ему не доводилось слышать подобных выражений.

Я пригласил его зайти в квартиру, но он покачал головой. «Попить у тебя найдется?» — спросил он. Бегом ворвался я в квартиру и вынес кувшин с водой и три стакана. Стакан он оттолкнул, с жадностью хлебнул несколько раз прямо из кувшина и передал его солдатам. Пока те пили, он опять повернулся ко мне и сказал: *«Ну, хорошо, Иван».* Он двинулся к лестнице, я пошел было за ним, но он знаком остановил меня и велел спуститься в бункер. Тут я впервые услышал это название бомбоубежища. Я подождал, пока он скроется за лестничным поворотом, и вернулся в квартиру. В горле у меня тоже пересохло, я наспех глотнул из кувшина, а затем подошел к окну и глянул вниз.

Один из бойцов забрасывал окоп землей, а остальные перетаскивали миномет на соседний участок. Ветхий забор был повален со второго удара киркой. Земля на необжитом участке сплошь смерзлась комьями; слов я разобрать не мог, но по движению губ и энергичным кивкам догадался, что солдаты ругаются. Младший лейтенант — между делом я установил его звание по звездочкам на погонах — одернул солдат, а потом вместе с ними принялся устанавливать миномет.

Так началась наша с тезкой дружба. В первую ночь я подумал было, что минометчиков разместят в нашем доме, однако логика армейских квартирмейстеров непредсказуема. К нам вселились радисты. Офицера звали Гришей, и на вторые сутки я заходил в комнату, где помещалась рация, словно в давно знакомую редакцию за свежими новостями. Ивана и Гришу я познакомил друг с другом в новогоднюю ночь. Тогда мы еще не знали, что на следующий день над нами опять померкнет небо. Наутро в Новый год, когда я сунулся было узнать последние новости, Гриша резким окриком остановил меня и велел убираться, в точности разъяснив, куда именно. Ивана я еще раньше приметил у миномета и направился было к нему, но не успел дойти до поваленной ограды: он строго указал мне на дверь подъезда и к словам своим на сей раз не добавил нашего общего имени. Позднее я узнал, что немцы застрелили советских парламентеров, направлявшихся к ним с белым флагом и белыми нарукавными повязками.

Прошло дней десять, пока ледок на глубинном озере военной дружбы растаял, и Иван опять стал заглядывать к нам по вечерам — поиграть с моим сынишкой, попить чаю, а главным образом, потолковать о политике. Мне никак не удавалось вразумительно объяснить Ивану, почему мы не являемся союзниками русских, а если уж мы не союзники, то почему относимся к ним без вражды. Он вскоре обнаружил, что с нашего балкона хорошо просматривалась их огневая позиция, и произвел нашу квартиру в *«военный пункт»,* если мне не изменяет память; ведь есть определенные понятия, которые на языках самых различных армий передаются почти одинаковыми словосочетаниями.

На четвертую неделю осады все жильцы дома перекочевали из подвала бомбоубежища в свои квартиры, поблизости стрельбы было не слыхать, фронт продвинулся до улицы Тромбиташ. И вдруг однажды ночью автоматные очереди застрочили где-то чуть ли не рядом, из окна было видно, как с воем проносились снаряды «катюш», вспыхивая в небе огненными всполохами. Немецкое контрнаступление переместило линию фронта, и бои шли в районе улицы Арона Габора, а это четвертая или пятая улица от нас. Утром забежал Гриша и велел всем жильцам спуститься в убежище. Через час я тайком пробрался наверх и даже рискнул выйти на балкон, однако сражения не увидел. Иван сидел у своего миномета, притащив откуда-то кресло в стиле «бидермайер».

День прошел спокойно. После обеда зашел Иван, принес чаю, сахару и шоколад. К тому времени я уже усвоил, что после обсуждения дел на Западном фронте, международной политической ситуации и проблемы заключения мира спокойно можно переходить к интересующим меня вопросам общественного строя. Обоюдно прибегая к помощи словаря, мы довольно ловко изъяснялись друг с другом. Иван изучал французский в одесской средней школе, и по мере того, как углублялись наши беседы, все большее количество французских слов всплывало в его памяти из-под плотных напластований четырех лет войны. Однако боевая обстановка в нашем районе оставалась запретной темой. Вот и теперь я не решился расспрашивать его, а лишь поинтересовался, можно ли мне перевести семью из подвала домой. «Отнеси им чаю, а мальчонке шоколад». Иван мгновение помедлил, а затем произнес: «Но ты, если не боишься, можешь остаться тут».

Примерно с час я все выглядывал из окна, ждал, не сверкнут ли орудийные вспышки, не пересекут ли небо лучи прожекторов. Если бои поблизости так и не начнутся, то я все же спущусь к своим, чтобы не тревожить их долгой отлучкой. Светомаскировочные занавески я опускать не стал, от снега в комнате было не так уж темно. Керосин всячески приходилось экономить, хотя русские все время помогали: то Иван, то Гриша «забывали» у нас в комнате лишь наполовину опорожненный бидон. Но как знать, принесут ли они еще керосина, надолго ли задержатся в нашем районе и вообще когда же настанет конец этой распроклятой осаде? И даже если осада и кончится, то скоро ли загорится в домах электрический свет? Иван подбадривал меня тем, что когда он приезжал на побывку в Одессу через три месяца после ее освобождения, то в его родном городе с сумерек и до десяти вечера горело электричество. Уже через три месяца — он с гордостью подчеркнул это «уже», а у меня перехватило горло.

Входную дверь я не запирал на ключ и ничуть не удивился, когда услышал, как она отворилась, а затем захлопнулась. Пришел мой тезка.

«Я тут заночую.— Он огляделся.— Сдвину вместе эти два кресла у стола. А ты ложись на кровать». Я хотел было придвинуть для него диванчик к окну, но он не позволил. Возражений Иван не терпел, привыкнув за годы войны командовать и встречать повиновение. Во мне тоже еще сильны были привычки, выработанные годами военной службы, и я даже находил некоторое удовольствие в том, что за меня все решают другие. Какое множество мужчин сносит по этой причине и солдатчину, и даже войну! У нас завязался разговор на эту тему, и тут нам пришлось туго. Едва доходило дело до абстрактных понятий, как языки у нас начинали заплетаться. «Ответственность» — я не мог подобрать подходящего русского слова. Responsabilite. «Понятно»,— кивал он. «В войне ее не бывает»,— сказал я по-русски; такую фразу мне легче было составить, и все же я выразился неправильно, а тезка — впервые за все время — поправил меня. Фронт проходил всего в двухстах метрах от нас, но это замечание Ивана прозвучало для нас обоих отголоском грядущего мира. И впрямь, должно быть, не за горами мирные времена, если русский солдат заботится о том, чтобы венгерский штатский правильно склонял существительное *«война».*

«И в войну бывает ответственность,— сказал он,— только иная. Меньшая и большая». Впрочем, он выразился по-другому: вместо «меньшая» он сказал «более узкая»; слова этого я не знал, и пришлось искать в словаре. «Более узкая,— в том смысле, что не моя. Более широкая, потому что я могу погибнуть, а из-за меня погибнут и наши». *«Наши»* — употребил этот специфически русский военный термин, который я столько раз слышал и встречал в литературе. У нас, венгров, принято выражаться иначе, разве что в пылу сражения вырвется: «А вот и наши!» Вероятно, у русских прочнее и устойчивее это ощущение своей причастности к коллективу?

— Ты прав,— ответил я,— но ведь решение всегда остается не за мной. Я действую по приказу, и ответственность карабкается по должностной лестнице все выше и выше, пока не теряется в верхах. Кто несет ответственность за гибель ста тысяч венгерских солдат на Дону и под Киевом? Генерал-полковник Яни?

— Как его зовут? Яни?

Я кивнул, а он смачно сплюнул в сердцах и растер плевок сапогом.

— Или Хорти? — продолжал я.— А может, Гитлер?

Он встал и выглянул в окно, потому что вроде бы мелькнула какая-то вспышка. Меня так и подмывало тоже подойти к окну, но я уже успел снова проникнуться духом воинской дисциплины.

— Не Хорти и не Гитлер, а ты, вы!

Я? Мы? Но что же я мог поделать? Однажды вечером Иван спросил, все ли у нас примирились с гитлеровским фашизмом. Я хотел внушить ему имя хотя бы Байчи-Жилинского[3]: вдруг это имя придет ему на память когда-нибудь потом, после окончания войны.

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Вы опоздали. Надо было раньше.

В тот момент берега чистых вод свободы впервые захлестнуло болотной вонью проигранной войны. Я осекся. Знай я русский не хуже, чем сам Маяковский, сказал я Ивану, и то не смог бы объяснить, как мы до этого докатились.

— Маяковский? — И он, не дожидаясь ответа, принялся декламировать какое-то стихотворение. Вскочил с места, вскинул руку вверх и от этого сам как бы стал выше; слова вспархивали и метались в тесной, промерзлой комнате осажденного города. В конце одной из строк он споткнулся, судорожно вздохнул, затем, безнадежно махнув рукой, упал в кресло.

— Война сжирает нас со всеми потрохами. На днях не сразу вспомнил, как зовут мою мать.

Я молчал. На фронте я пробыл четырнадцать месяцев, и к концу этого срока прежнее домашнее житье представлялось смутно, как бы в тумане. Русские воюют уже четыре года. Иван говорил, что за все время он дважды уезжал на побывку, да и то в первый раз не домой, потому что Одесса еще была захвачена фашистами, и он разыскал своих родных — мать, жену и дочку — в колхозе под Алма-Атой. Лишь в прошлом году он смог побывать в своем родном городе.

Какое-то время он стоял у окна, затем бросил мне: «Обожди!» — и спустился вниз, к своей батарее. Я тоже сбегал в убежище сказать, что, мол, останусь дома и Иван у нас заночует. Мать с женой переглянулись: война научила их, что в таких случаях многословие вызывает лишь отпор. «Береги себя, сынок. Обещай, что спустишься к нам, если начнется перестрелка».— «Да, мама, спущусь». Я спросил жену, нет ли у нее болей — она была на восьмом месяце,— хотя и знал, что она все равно скажет «нет». Сын спал, и я не стал целовать его. Впрочем, у меня и не было настроения прощаться.

Подвал освещался слабым огоньком коптилки, но даже после этого света тьма в комнате казалась кромешной. Когда глаза мои чуть попривыкли к темноте, я увидел Ивана, пристроившегося в кресле. «Ложись спать». Я посмотрел на часы: без четверти девять. И впрямь пора на боковую, а то вдруг среди ночи придется вскакивать по тревоге.

Я вышел, принес нам обоим на ночь по стакану воды, укрыл тезке ноги пледом и сам как следует натянул на себя ватное одеяло — в комнате было градусов пять, не больше,— пригрелся и заснул.

Проснулся я от звука шагов и вскочил. Было темно, однако я разглядел, как Иван сноровисто натянул гимнастерку, застегнул брюки, нетерпеливым движением нащупал впотьмах шинель и, поспешно нахлобучив ушанку, даже набросил на плечи плащ-палатку. «Что там?» — спросил я, но он не ответил, снял с книжной полки коптилку, зажег ее и тотчас же задул, вспомнив про светомаскировку. Проворно и ловко он опустил занавески, снова зажег коптилку и поставил ее на стол.

Я тоже принялся наспех одеваться, хотя и всех сборов-то было натянуть пиджак поверх свитера; впопыхах никак не мог зашнуровать башмаки и опять спросил:

— А что стряслось? Начинается?..

— Ничего. Ложись и спи.— С этими словами Иван застегнул ремень с прикрепленной к нему кобурой пистолета.

---

[3] *Э. Байчи-Жилински — венгерский политический деятель, публицист, активно осуждавший участие Венгрии в войне против СССР, один из организаторов антифашистского Венгерского фронта. Казнен фашистами в 1944 году.*

Мне очень хотелось подойти к окну и выглянуть — вдруг да увижу что-нибудь такое, от чего ситуация прояснится,— но я побаивался, что Иван одернет меня. Впрочем, светомаскировочную занавеску ведь не отодвинешь, поскольку в комнате горела коптилка. Примостившись на краешке постели, я напряженно прислушивался. Выстрелов не было слышно.

Иван присел к столу, достал из кармана бумажник и выложил на стол его содержимое: не иначе как карты; видимо, с рассветом начнется какая-то операция. Я приподнялся на локте и тут увидел, что это вовсе не карты, а письма и фотографии. Иван поочередно перебирал их, а затем снова прятал в бумажник. Чуть погодя он вытащил из кармана гимнастерки часы на длинном кожаном ремешке — я и прежде замечал их у него. Помнится, в детстве я подолгу торчал у витрины часовщика на улице Вармеде, не в силах оторвать глаз от всевозможных часов. Там я видел похожие: большущие карманные часы в ладонь взрослого человека, а на циферблате изображен дымящий паровоз.

Иван поднес часы к уху, встряхнул их, попытался завести, но завод явно не работал. Он удовлетворенно кивнул, словно и не ждал иного результата. Увидев, что я наблюдаю за ним, опять повторил: «Спи». Но мне было не до сна. Иван вытащил перочинный нож, открыл оба лезвия и тем, что побольше, поддел заднюю крышку часов. Затем поднялся с места, сделал мне знак рукой, чтобы я не вставал, подошел к письменному столу и отыскал в ящике чистый лист бумаги. Тщательно расстелив его на столе, он положил часы и, используя меньшее лезвие ножа в качестве отвертки, принялся разбирать механизм. Я настороженно следил за ним: не обернется ли он к окну, не поднимет ли штору, не вскочит ли навстречу вестовому, явившемуся с приказом выступать по тревоге. Но в ночи царила тишина, и я слышал лишь едва уловимое позвякивание, когда очередной крохотный часовой винтик или пружинка падали на лист бумаги.

Башмаки я не снимал, чтобы быть наготове, и все-таки меня сморил сон. Когда я проснулся, Иван по-прежнему сидел у стола. Коптилка горела, ярко освещая его склоненное над работой лицо. Я присел в постели. Часы, разобранные по винтикам-колесикам, лежали на бумажном листке. Иван перехватил мой удивленный взгляд. «Потом соберу их опять, как положено,— сказал он.— У тебя конверта не найдется?»

Я встал и подал ему конверт. Он осторожно ссыпал в него разобранные детали, смочил слюной уголок конверта и заклеил его, а выпотрошенные часы спрятал в карман гимнастерки.

— Мой отец был часовщиком,— пояснил он.

Иван задул коптилку. Я ждал, что он приляжет на составленные вместе кресла, но он недвижно сидел у стола. Сквозь плотные шторы не пробивалось ни малейшего отблеска света. В непроглядной темноте я не видел Ивана, лишь его прокуренное дыхание доносилось до меня. Должно быть, сейчас он, мальчонкой, сидит в отцовской мастерской, впервые приладив к глазу лупу. Отец со смехом хлопает его по плечу: «Быть тебе часовщиком, сынок». Впрочем, я даже не знаю, жив ли его отец. «Был часовщиком»,— сказал Иван. Эти слова можно истолковать так, что отец не умер, а, к примеру, сменил ремесло. А может, Ивану припомнился сейчас тот момент, когда он взрослым парнем подходит к отцовскому столу: «Не буду я часовщиком, хочу учиться дальше». Отец смотрит на разложенные перед ним инструменты, словно навек прощаясь с ними. «Поступай как знаешь, сынок, тебе виднее». Или эти слова произнес мой отец, когда я объявил ему о своем решении учиться дальше?

К тому времени, как я снова проснулся, на улице уже светало. В комнате, кроме меня, никого не было. Я торопливо поднял занавеску и вышел на балкон; в этот момент на вездеходе увозили миномет с соседнего участка. Ивана я не увидел.

Среди русских солдат, которые впоследствии размещались в нашем доме, не было ни одного моего тезки. А может, нам просто не довелось познакомиться.

Перевела с венгерского Т. ВОРОНКИНА

«ВОТ ЭТО БЫЛ ХОР!»

Автобус трясся в Кандаву — есть такой городок часах в двух езды от Риги. В автобусе трясся хор. Руководителю Иманту Александровичу Кокарсу, народному артисту Латвии, лауреату Государственной премии СССР, профессору, ректору Латвийской государственной консерватории, уступили место в первом ряду. Там трясло чуть поменьше.

Но руководителю на месте не сиделось. Перелезая через чемоданы с костюмами и футляры с музыкальными инструментами, он подсаживался к корреспонденту и заговорщицки шептал: «Поговорите с Солоземниексом, он вообще-то инженер, но изучал и психологию. Он главный психолог хора». Или: «Поговорите с Эгией — она самая молоденькая». Или: «Спросите Григулиса — он сам музыкант, лучше всех разбирается в народном музицировании...»

Из заметки в газете «Правда» мы узнали, что наша страна впервые участвовала в международном фестивале самодеятельного творчества на английском острове Мэн, и честь представлять ее была доверена рижскому народному камерному хору «Аве Сол», лауреату многочисленных Всесоюзных и международных конкурсов и фестивалей. Нам стало интересно: кто участвует в фольклорных фестивалях, может, люди, целиком ушедшие в прошлое? Или специалисты — фольклористы и этнографы? Как вообще эти фестивали выглядят? Много ли собирается публики? И так далее.

Итак, хор ехал в Кандаву. По приглашению студентов местного сельскохозяйственного техникума и всех жителей города...

Янис СОЛОЗЕМНИЕКС, тенор:

...Я в «Аве Сол» давно, с 1974 года. Тогда хор впервые послали за рубеж — на 22-й международный конкурс песни в Италии, в Ареццо. А период был сложный: часть хористов ушла, ведь многие были студентами, закончили учебу, разъехались... Набирали новых, взяли и меня. Мы готовились ускоренными темпами, волновались очень. Во-первых, то был первый наш международный конкурс, во-вторых, мы вообще были там первыми советскими, а съехались знаменитости: один из лучших в мире хоров, венесуэльский, шведы тоже заявили, что приехали только за золотой медалью и уверены в успехе. И все профессионалы. Ну, вышли мы в четверть финала, в полуфинал и в финал. Финал проходил в час двадцать ночи. А на наше счастье (в Италии было очень знойно — более сорока градусов днем), в ту ночь пошел дождик. Другие стали мерзнуть, а мы почувствовали себя как дома, и голоса летели.

Знаете, как у нас люди за хоккей болеют, так и там в два часа ночи все ходят, обсуждают ход соревнования, на каждом углу громкоговорители сообщают, чей хор первое место занял, чей — второе. После объявления результатов — мы победители! — к нам хлынули гости, поздравлять. Мы должны были уезжать в шесть утра, а люди все шли и шли, жители Ареццо, участники конкурса — так мы и не заснули ни на минуту. Потом нас повезли по всей Италии, очень много было концертов, устали, но держались: мы же были в такой поющей стране, понимали, какая на нас ответственность!

Янис АБОЛИНЬШ, низкий бас:

Я не считаю, что мой голос чем-то лучше тенора, но все-таки никогда не хотел бы петь тенором. Мужчине приличествует бас! Нас в хоре четыре низких баса, но один сейчас служит в армии.

Мне 22 года, в «Аве Сол» уже третий год. Может быть, в других местах на тех, кто любит петь хором, особенно на молодых людей, смотрят как на каких-то чудаков. А у нас любят петь хором. Или я просто не сталкивался с теми, кто не любит? У меня ведь очень замкнутый круг общения: днем учусь, вечером пою. У меня жена, ребенок, жена немножко недовольна тем, что я все вечера занят, но что поделаешь? Она меня понимает: сама когда-то пела, у нас есть знаменитый женский хор «Дзинтарс».

В восемьдесят четвертом мы ездили в Англию, на остров Мэн, на фестиваль народного искусства. Вы знаете, мне там все-таки не очень понравилось: я считаю, раз фестиваль народного искусства, так должен быть один фольклор. А там слишком большой коктейль был, выступали даже эстрадные коллективы. Хотя, конечно, было интересно. Помню один негритянский ансамбль из Англии, они играли на бочках из-под бензина, «стил-бэндз», как на Ямайке или на Тринидаде. Они играли и пели рэггей, калипсо, у этой музыки тоже народные корни, но все-таки это был уже слишком ро́ковый вариант.

Мне современная музыка нравится. Но если б у меня была возможность создать свою рок-группу, вряд ли бы я за это взялся. А вот хор, который пел бы только музыку молодых композиторов, я бы создал. Но это очень трудно: у нас в республике много хоров, каждый, кто умеет петь, уже поет в каком-нибудь хоре. Ведь первый наш праздник песни — а о них теперь не только во всем Союзе, но и во всем мире знают — состоялся в 1873 году!

Эгия ПИЗИКА, первый альт:

Мне двадцать лет, учусь в консерватории на втором курсе дирижерского отделения. Раньше училась заочно, пела в хоре радио, теперь ушла на очное отделение, мой педагог рекомендовал меня в «Аве Сол». Конечно, в финансовом отношении стало труднее: в хоре радио я получала зарплату, а сейчас только стипендию. Но все равно здесь лучше. Интереснее. Репертуар сложный, думать много надо. Но это вовсе не мешает моим основным занятиям, а только помогает. Раньше ведь в Латвии не знали, что такое полифоническое пение. А теперь мы поем народные песни в современной обработке, с очень сложными гармониями. Но от этого содержание народной музыки не выхолащивается, просто звучание становится интереснее. Мы поем не только латышские песни, но и песни народов СССР, и песни других стран. Народная музыка везде богатая, и решать эту задачу: как передать песню той или иной страны так, чтобы она сохранила все-таки свое истинное звучание, трудно. Но интересно.

Мы разучиваем песни других народов не просто как «выставочный вариант»: они навсегда остаются в нашем репертуаре. И вы бы слышали, как наша латышская публика в селах, в райцентрах воспринимает, к примеру, негритянские спиричуэлс или грузинские песни!

На конкурсы и фестивали я еще с хором не ездила, но коллеги рассказывают много интересного. Что мне ребята после Англии рассказывали? Самое главное, на что они обратили внимание: англичане — люди консервативные, экономные, выдержанные. А вот на самом острове какие-то более душевные, не такие, как в Лондоне. Может, это из-за фестивалей, что там проходят?

Янис ГРИГУЛИС, баритон:

Лично мне фестивали нравятся больше, чем конкурсы. На фестивалях ведь нет никакого «сражения»: ваш фольклор лучше, ваш хуже. Победителей нет, точнее — все победители. И люди, когда поют, играют или танцуют, открытее и чище, чем на конкурсах.

В прошлом году я был на фольклорных фестивалях в Бельгии и Голландии. В Бельгии эти фестивали проводятся уже 26 лет подряд, в Голландии восемь. И каждый раз бывает кто-то от СССР.

Тем летом съехались коллективы из тридцати стран, организаторы поставили такое условие: все должны носить национальные костюмы. А городок небольшой, курортный, июль, чудесная пора, представляете, как это красиво, народные костюмы из тридцати стран? Публика приезжает не только из Бельгии или Голландии, но и из соседних стран, телевидение ведет прямую трансляцию. Днем на самых разных площадках проходят концерты, каждый вечер — гала-концерт, стране дается 15—20 минут, концерты идут по три часа, и во все дни — разная программа. Мы выступали вместе с США, Мексикой, Кубой — представляете, как красиво? После концертов тоже все вместе, каждому коллективу дается по полчаса, чтобы он обучал своим песням и танцам. А танцы так легко перенимаются друг у друга! Ведь народные танцы создавались веками, они очень простые и очень точные, каждое движение такое, как надо, самое правильное. Поэтому народные танцы так легко разучить. Мы подружились с одним студенческим коллективом из США, они попросили научить их латышскому танцу, а мы выучили их ковбойский. Работали вместе три часа, и они нашу музыку и танец увезли с собой.

Мне, как музыканту, интереснее всего было выступление мексиканских артистов: они очень хорошо звучали. Кстати, нам всем почему-то мексиканцы больше всех понравились. Мы, латыши, сдержанный народ, нас тянет к земле, а мексиканцы — какой темперамент, какая горячая кровь! И в музыке, и в танце у них это очень видно.

Когда съезжается так много фольклорных групп, вот что становится особенно заметно: как бы ни отличались традиции народов, в них очень много общего. Темы общие: любовь, жизнь, работа. По-разному люди выражают грусть и веселье, но чувства эти есть у всех народов, и они всем понятны.

А знаете, что больше всего поражает на фестивалях? То, что и участники, и публика в массе своей — очень молодые люди. Сейчас вообще во всем мире молодые люди заметно повернулись к фольклору: я это вижу даже по нашим студентам. Я доцент Латышской консерватории, веду хоровой класс, участие в «Аве Сол» для меня дело добровольное. Днем учу, но и самому ведь петь хочется. Так вот я замечаю, что даже наши студенты-консерваторцы все больше тянутся к народной музыке. Я думаю, в наш век, век звукозаписи, я бы сказал, технизированной музыки, ухо требует уже чего-то другого, более теплого, личного. Народное искусство живет века, и людям вновь хочется к нему приблизиться: все идет волнами, и, по-моему, сейчас вновь поднимается волна народной музыки. Она дает такое наслаждение в наш технический век! Во всем мире идет возвращение к первичной народной музыке, к естественному звуку естественного инструмента, без какого-либо усиления, электроники.

К нам после наших выступлений за границей стали приезжать группы из разных стран перенимать опыт, учиться постановке хорового дела в Латвии и самодеятельного творчества в Союзе вообще.

Конечно, у нас праздник песни — давняя традиция. И она живет и может развиваться. Но нельзя устраивать такие праздники по латышскому образцу повсюду. Праздник нельзя навязать. И те, кто приезжает к нам за опытом, перенимают прежде всего нашу методику, подход, чтобы использовать их на родной почве...

Янис АБОЛИНЬШ, низкий бас:

Хор — единый организм, в нем нет солистов и все солисты. Когда в хор приходит молодой человек, ему очень хочется показать, какой у него красивый голос, а главное не это, главное — умение петь как надо хору. Этому поначалу трудно научиться. И тут дело за дирижером. Дирижер вообще в хоре — главная фигура. Вот, например, когда хор участвует в конкурсе, для дирижера главное — так рассчитать силы коллектива, чтобы он к финалу был в лучшей форме. Надо уметь держать коллектив в руках. В хоре допустима демократия, но все же в большинстве случаев дирижер должен быть диктатором. Если я когда-нибудь буду дирижером, я буду диктатором-демократом (смеется). Но я точно знаю, что еще не вырос до такой степени, чтобы руководить хором.

Петь в «Аве Сол», наверное, престижно, но, когда я пою, я об этом совсем не думаю. Мне больше всего нравится то, что можно хорошо петь.

Янис СОЛОЗЕМНИЕКС, тенор:

Я недавно поступил в аспирантуру, и мне стало, конечно, труднее: учеба, работа, хор. Аспирантуру я бросать не имею права, это будет нечестно. Придется, наверное, жертвовать хором, но так жалко. Десять лет пели вместе, столько было всякого, было, конечно, и сложное, но больше вспоминается хорошее или смешное.

У нас в Барселоне был такой случай. Мы участвовали в 15-м международном фестивале хоров. Концерты проходили под открытым небом, на узких площадях, стиснутых домами, начинались в десять вечера. Люди открывали окна, свешивались с балконов... И вдруг в одной из квартир зазвонил телефон. Публика стала беспокоиться, оглядываться, встал какой-то господин, наверное, влиятельное лицо в городе, подозвал полицейского. Полицейский исчез. Слышим, телефон продолжает звонить, наконец кто-то сказал «алло», но тут в окне появилась фигура полицейского, и разговор прервался.

После концерта, часа в два ночи, идем к себе. А в этот час все местные бабуси выгуливают собачек. Мы шли в национальных костюмах, на них металлические пряжки, бубенцы всякие, да еще несли с собой связку колоколов, они сопровождают некоторые наши песни. Все бренчит, звякает, бобики на нас как накинутся! Один из наших наставил на пса трубу, хотел припугнуть, а хозяйка подумала, что он хочет пса застрелить. Как бросились старуш-

ки на нас! Мы наутек, несемся по ночной Барселоне, колокола звенят, за нами псы, за ними бабуси. Еле-еле наша сопровождающая, учительница-испанка, нас отбила!

Конечно, это все интересно: фестивали, конкурсы. Но если бы вы спросили каждого из нас, согласились ли бы мы петь по-прежнему, с полной отдачей, тратить свое время и силы, если бы даже это был не такой знаменитый хор, уверен, все ответили бы — да. Я не могу вам словами передать это чувство, когда поешь, и твой голос летит, и сливается с другими, и нет уже тебя, а есть только музыка, и ты ее часть. Мне кажется, человек от этого становится и сильнее и добрее.

Когда кончилась война, у моих родителей ничего не было: все было сожжено. И они нашли в себе силы все начать снова, отстроиться. Они у меня были простые крестьяне, но отец играл на скрипке, мать на цитре, я тоже самоучкой выучился играть на цитре, на аккордеоне, мы по вечерам играли на танцах в деревне. И наверное, потому, что в простых народных песнях было много простой житейской мудрости, мои родители были очень мудрыми людьми. И еще у них было чувство человечности.

Имант КОКАРС, дирижер:

Профессиональным музыкантом я стал не сразу. Родители хотели, чтобы мы с Гидо (это мой брат, мы близнецы) стали учителями. А родителей надо слушаться. И мы с Гидо пошли в технический вуз.

Кончил институт и стал преподавать в нем же алгебру и геометрию. Потом меня мобилизовали в армию, и там я уже руководил оркестром. После демобилизации попрежнему преподавал алгебру и дирижировал вместе с братом самодеятельным хором в Цесисе. Через два года наш хор получил в республике первое место, а меня пригласили руководить хором на радио. Так я бросил математику. Руководил хором, и параллельно мы с братом учились в консерватории.

«Аве Сол» мы начали в 1969 году как камерный хор при одном из рижских профсоюзных клубов. Название наше от поэмы великого поэта Яниса Райниса «Аве Сол» — «Гимн солнцу», музыку написал композитор Алфред Калныньш, это произведение было одним из первых в нашем репертуаре. А в 1972 году мы уже стали лауреатами Всесоюзного хорового фестиваля в Таллине.

Так и пошло. Мы поем народные песни всех республик нашей страны, причем на языках этих народов; когда едем на гастроли или фестивали за границу, обязательно учим произведения тех, кто нас принимает. В Японии, например, пели по-японски. Поем произведения композиторов Ренессанса, русскую и зарубежную хоровую классику. Перед конкурсом в Ареццо наш композитор П. Дамбис специально сделал для нас обработки латышских народных песен, так их теперь поют хоровики всего мира. Когда наши песни поют испанцы, их исполнение отличается от нашего. Мы дарим своим друзьям не только ноты, но и пластинки, у нашего хора уже девять долгоиграющих пластинок, потому что далеко не все можно записать на нотах. И мы довольны тем, как они поют наши вещи. И когда мы разучиваем народные песни других стран, мы тоже стараемся раздобыть записи: нам ведь трудно постичь глубину, к примеру, испанского народного характера. Конечно, привносим и что-то свое, но основа подлинная.

В прошлом году мы ездили на XI международный фестиваль в Везон-ла-Ромен во Францию. Там есть старый римский амфитеатр, его раскопали случайно, когда собирались строить вокзал. В амфитеатре помещается девять тысяч человек, а внизу, на арене, выступали когда-то гладиаторы. Теперь в амфитеатре сидят участники фестиваля, было 6 тысяч человек из Франции и 3 тысячи со всего мира, были даже африканцы, а внизу, на арене, каждый вечер выступает очередной коллектив. Мы тоже выступили на арене, а ночью к нам пришел один из организаторов и попросил написать ноты и текст латышской песни. На следующий вечер смотрим: всем раздают какието листочки. Оказывается, организаторы размножили ноты и текст, меня вызывают на гладиаторскую арену, я начинаю дирижировать, а все девять тысяч человек поют нашу песню. Вот это был хор!

Записала Н. РУДНИЦКАЯ

ГАСТРОЛИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ. «Творческий коллектив побуждает зрителя к совместному размышлению», «Театр, открытый для поиска и эксперимента», «Наши зрители полюбили прекрасных советских актрис Лию Ахеджакову, Марину Неелову, Аллу Покровскую» — так чехословацкая печать оценила гастроли театра «Современник». Москвичи показали «Спешите делать добро!» Михаила Рощина и «Три сестры» А. П. Чехова (на снимке: заключительная сцена этого спектакля). «Зрители республики впервые познакомились с московским театром в 1966 году, и с тех пор каждая новая встреча становится заметным событием в культурной жизни ЧССР»,— пишет журнал «Свет в образех».

БИЗНЕСМЕН В ВЕНЕЦИИ. Из Венеции туристы привозят миниатюрные гондолы — символ города. Из поколения в поколение передают венецианские мастера секреты своего искусства. Они стойко хранят традиции: не признают ни англо-американскую, ни метрическую систему мер, принятые во всем мире, а пользуются древним «венецианским шагом» (около 34 сантиметров). Каждую гондолу они строят из семи различных пород дерева: только тогда, говорят мастера, вода «доверится» ей. Работают они неторопливо, ювелирно, делают за год не более 20 гондол. Такой темп показался дьявольски медленным бизнесмену из ФРГ Рейнхольду Преслау. Посетив Венецию, он «влюбился» в гондолы и решил наладить их серийное производство из пластика. Пока он изготовил лишь три пробные модели и ждет, «доверятся» ли им гондольеры, а гондольеры не спешат, они привыкли двигаться «венецианским шагом».

...ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ... ЧТО

ВЕТЕРАНЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ НА ЭЛЬБЕ. Советские и американские воины. 25 апреля 1945 года. Встреча союзных армий на Эльбе. Канун разгрома фашизма. Типичный снимок тех дней. Кое-кто в Вашингтоне и Бонне с удовольствием бы вычеркнул те дни из истории, вычеркнул бы их из памяти народов. Но ни история, ни человеческая память — это не газета и не телеэкран: приказали — забыли. Организация «Американские ветераны за мир» предложила «повторить» встречу на Эльбе 40 лет спустя, повторить клятву бойцов союзных армий: не допустить новой мировой войны. В апреле 1985 года советские и американские воины, боровшиеся с фашизмом, встречаются на Эльбе.

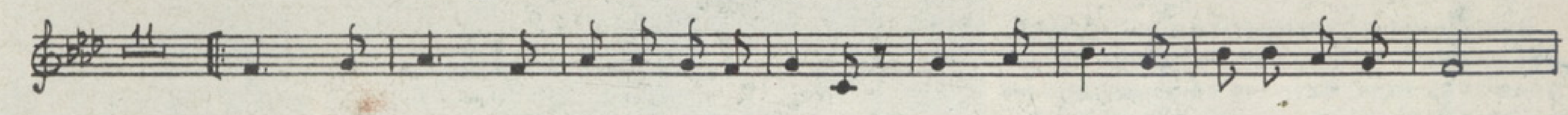
ВИКТОР ГЮГО написал 50 томов сочинений и прожил богатую событиями жизнь: был роялистом, бонапартистом и республиканцем. Он дрался на баррикадах Парижа против Луи Бонапарта, был изгнан из Франции «маленьким Наполеоном» и вернулся триумфатором после его изгнания. В юности отец отказал ему в деньгах, узнав, что он сочиняет стихи,— в зрелые годы именно стихи принесли ему благосостояние. Его произведения (например, «Марион Делорм») запрещались цензурой — и издавались во всех странах, где только есть типографии. Его романы «Отверженные» и «Собор Парижской богоматери» стали классикой европейской литературы еще при жизни писателя. А ему все было мало: в старости он жил и писал так же страстно, как в юности. Перед смертью он положил в свой письменный стол пять сборников неизданных стихов, чтобы они выходили в свет, когда его уже не будет, как бы продолжая его жизнь. И теперь, в год 100-летия со дня смерти великого француза, благодарная Франция, как бы утверждая его бессмертие, объявляет 1985-й годом Гюго.

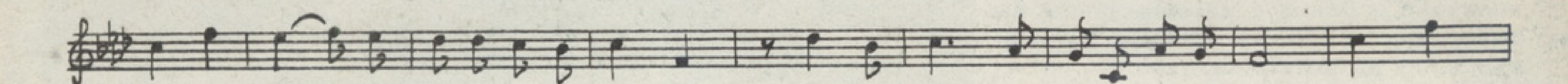
НАД КРЫШАМИ ПАРИЖА. Был ли, не был ли человек в этом городе, у каждого свой Париж, такой знакомый по книгам, картинам, кино. Все знают о лиловых сумерках, о том, что здешние мальчишки — потомки Гавроша, что вдоль Сены сидят рыбаки. Такие, как на снимке. А город, по которому течет река, не Хьюстон, или Даллас, или еще какой американский монстр из стекла и бетона, а великий и единственный Париж. Париж! Над крышами старого города высятся билдинги, под крышами старого города живут парижане, и как ни сочувствуют они прогрессу... Центр города пока еще не загромоздили сверкающие холодным блеском коробки, но парижанин Жан Жюнке делает макеты древних улочек и домов. На всякий случай. Для потомков.

ПЕСНИ ТЕХ, ФЕСТИВАЛЬНЫХ, ЛЕТ

Ее звали Катюша, девушку, чье имя стало символом молодости, верности и первой любви. «Катюшу» пела вся страна. Пели ее в годы войны советские солдаты, партизаны Италии, Болгарии и Франции, мелодия композитора М. Блантера стала для освобожденных народов Европы, для народов всего мира мелодией победы человека над бесчеловечностью. А стихи поэта М. Матусовского переведены на многие языки, «Катюша» — первая песня, которую вспоминают наши зарубежные друзья, встречаясь с нами. «Катюшу» будут петь на разных языках и нынешним фестивальным летом.

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Spring is gay with pear and apple blossom,
Wreaths of mist along the river creep,
And Katyusha wanders by the river,
On the bank upon the rocky steep.

There she wanders singing of the eagle,
Brave and strong, from whom she had to part,
It's the youth Katyusha loves so dearly,
And his letters lie against her heart.

O, you song, you song so sweet and tender,
Fly the path the sun will take above,
Reach the youth who guards the distant border,
Tell the soldier of Katyusha's love.

Let him dream about days together,
Hear her song about the river sweep,
Let him keep good watch along the border,
And his love Katyusha's heart will keep.

Ее зовут Катюша, эту девушку с кокошником в виде фестивальной ромашки на русой голове. Катюша — официальный сувенир XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 28.02.85. Подп. к печ. 08.04.85. А02215. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 170.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.